

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОЛЬКО ТРИ УКОЛЬЧИКА!

ЧОКНУТЬСЯ
МОЖНО!

Виктор Молотов

Чокнуться можно! Том 3

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Чокнуться можно! Том 3 / В. Молотов — «Автор», «Автор»,
2026

Весеннее обострение? Моё началось с того, что я переродился. Лучший психиатр своего времени — в теле уголовника, за которым охотятся очень серьёзные люди. Выход? Спрятаться там, где никто не будет искать — в больнице маленького городка. Сменить имя. Не высовываться. Только от Системы не спрячешься. Тело уголовника её не тянет, совместимость на нуле. Если не прокачаюсь, то оно меня убьёт. А прокачка у психиатра одна: лечить, диагностировать, залезать в чужие головы. Хорошо, что пациентов тут хватает. Плохо, что те, кто ищет прежнего хозяина этого тела, уже в городе. А ещё сегодня ко мне на приём записался император Римской империи!

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Аржанов, Виктор Молотов

Чокнуться можно! Том 3

Глава 1

Вот так поворот... Я, конечно, с самого начала чувствовал, что с моей медсестрой что-то не так. Она всё время была ходячей аномалией.

Но свою истинную личность она скрывала идеально. Смогла даже мою бдительность при-тупить. И ведь у меня пару раз и в самом деле возникали мысли о том, что она чем-то напоминает мне какого-нибудь спецагента из кино. Вот только я думал об этом в шутку! Возможно, именно в этом и заключался её план.

Полина преградила мне проход. Выйти из кабинета уже не получится. Да и смысл куда-то бежать? Если на меня уже вышел сотрудник какой-то службы — деваться некуда. Придётся решать эту проблему здесь и сейчас.

Пистолет не наставлен, но и не убран. Однако я чувствую, что Полина может воспользоваться им, если придётся. Только поднимать его она не спешит. Так держат табельное оружие те, кто умеет с ним обращаться, но не любит лишний раз его использовать.

«Медсестра» убрала корочку назад, в карман, но взгляда от меня не оторвала.

Я решил, что спорить сейчас бесполезно. Поэтому спокойно сделал шаг назад и присел на стул для пациентов. Руки оставил на виду — положил ладони на колени. Любое лишнее движение сейчас может сработать против меня. Собственно, как и любое слово.

— Всё, спокойно, — произнёс я. — Как видите, я сижу и не собираюсь сопротивляться. Но прежде чем вы продолжите свой монолог, мне нужно кое-что сказать.

— Слушаю.

— Я хочу задать пару вопросов. Не для того, чтобы тянуть время. Просто хочу понимать, что тут происходит и с кем я, собственно, разговариваю? То, что вы — не медсестра, я уже догадался, — я сухо усмехнулся.

— Задавайте, — недолго подумав, ответила она.

— Из какой вы службы, Полина?

— Это не имеет значения. Межведомственная группа, — уклончиво ответила она. — И прав у меня достаточно, чтобы зачитать вам статью и... и довести дело до конца.

Очевидно, она не станет рассказывать мне подробности. Но, судя по показателям системы, она мне не лжёт.

— Понимаю, — кивнул я. — И по какому же делу я у вас прохожу?

— По теневому рынку поддельных документов медицинского профиля, — ответила она. — Мы уже обнаружили около тридцати комплектов липовых документов, ушедших в разные регионы. Часть владельцев найдена. Часть — нет, — она сделала паузу. — И подозрение упало на появившегося в городе психиатра. Другими словами, на вас.

— Значит, вы здесь, Полина, чтобы меня проверить? — попытался я.

— Именно.

— Теперь всё ясно... Мы проработали вместе около месяца. Меня удивляет, что вы решили взять меня только сейчас, — пожал плечами я. — Чем же я навлек на себя подозрения?

Эмоциональный фон. Идёт фиксация...!

Снова! Значит, я оказался прав. Что-то в её психике изменилось. Впервые за месяц система давала по Полине полноценный отчёт.

Тревога — выше среднего, подавление аффекта — высокое, когнитивный диссонанс — выраженный!

А я всё гадал, как же ей удаётся показывать такой ровный непробиваемый фон. Система сообщала, что это аномалия. Я полагал, что это — патология. Но на деле я наблюдал чистую отлаженную работу.

Видимо, Полину учили гасить мимику, эмоции и вегетативные сигналы до уровня ниже моего порога считывания. И гасила она их не усилием воли, а скорее привычкой, к которой её приучали годами.

Но сейчас её фон поплыл. Именно в момент моего задержания все её навыки куда-то улетучились. А всё потому...

Да. Точно! Всё потому, что Полина впервые за месяц начала колебаться. Сомнения разрушили её хладнокровность.

И это можно счесть за две новости сразу. Хорошая новость — у меня есть возможность выкрутиться из ситуации. Минимальный шанс избежать тюрьмы. Плохая — эта возможность появилась у меня только потому, что внутри Полины что-то сломалось. А сломанный человек с пистолетом может быть куда опаснее, чем спокойный.

Что ж... Нейроинтерфейс уже обрабатывает множество вариантов ответа. А я подключаю интуицию и готовлюсь к тяжелейшему разговору.

Думаю, справиться с Полиной будет куда сложнее, чем с Леной. Одно дело — простая девушка, другое — сотрудник спецслужб.

— Что ж, Полина Викторовна... Думаю, вы не будете против, если не стану ничего отрицать? Зачем зря тратить время.

— Это было бы разумно с вашей стороны, — она удивлённо наклонила голову. Похоже, не ожидала, что я так быстро приму свою «вину».

— Документы куплены. Это факт, и спорить с ним бесполезно. Я догадывался, что на меня рано или поздно выйдут. И был готов к этому. И да, я знаю, что это статья. Более того, я прекрасно понимаю, что вы разговаривать со мной уже не хотите. Ваша задача — отправить меня под арест.

— Тогда зачем вы вообще со мной разговариваете? — хмыкнула она.

— Потому что вы мне это позволяете, — я улыбнулся. — Если бы не хотели со мной говорить, я бы уже давно был в наручниках. Но полицию вы ещё не вызвали. Иначе бы я это заметил.

Она промолчала. Не стала комментировать мои умозаключения. Знала, что я прав. Но пока что не была готова это признать.

— Полина. Скажите мне одну вещь, — вздохнул я. — Что вы вообще видели за этот месяц?

— Не поняла, — нахмурилась девушка. — В каком смысле?

— В прямом. Вы сидели рядом со мной на приёме. Каждый день. Вы видели всё, что я делал. Вспомните всех пациентов, которым мы с вами вместе помогли.

Я знал, что этот аргумент сработает лучше остальных. Мы ведь действительно работали рука об руку. Полина видела, как я принимаю больных. В голове сразу же пронеслись десятки самых запоминающихся пациентов. Все особые случаи, с которыми мне пришлось столкнуться в течение этого месяца.

— Да, я видела. Прекрасно помню их всех. Память у меня отличная, — ответила Полина.

— Я ведь не просто так это говорю. Вы вели карты этих людей. Вы знаете диагнозы, назначения, динамику. Полина, раз у вас такая хорошая память, скажите мне — за этот месяц у меня был хоть один случай, когда я навредил пациенту? Или хотя бы один случай нечестной справки?

— Нет.

Она ответила спокойно. Но система показала, как её эмоциональный фон пошатнулся.

— Полина, я ведь не оправдываюсь. Факт есть факт. Да, документы поддельные. Но всё это время действовал я как врач. И вы не можете этого отрицать, — рассуждал я. — Понимаю, что по закону я — преступник в белом халате. Мошенник. Но вы сами-то в это верите?

/Фиксируется правильный подбор слов. Вероятность успешного убеждения увеличена/

Она наконец сдвинулась с места. Прошла к моему рабочему месту. Затем села на угол стола. Пистолет положила рядом — справа от себя. Причём повернула его дулом в сторону стены. Скорее всего, этим она подсознательно показывает, что готова продолжить беседу. Ситуация ещё не разрешена, но Полина явно смягчилась.

Я разжёл её сомнения ещё сильнее.

— Алексей Сергеевич, — её голос стал тише. — Вы понимаете, что вы сейчас делаете?

— Конечно понимаю.

— Вы пытаетесь меня уговорить.

— Нет. Уговорить вас невозможно — вас этому учили. Я хочу, чтобы вы меня поняли. И поняли свои собственные эмоции, — произнёс я. — Подозреваю, вам велено предоставить обо мне отчёт. И сделать это нужно уже сегодня-завтра. Именно поэтому на вас весь день лица нет. На самом деле вы не хотите этого делать.

Она долго, не моргая, смотрела мне в глаза. Будто пыталась меня прочесть с помощью какой-нибудь собственной системы.

— Я приехала сюда с готовой картинкой, — сказала Полина наконец. — Знаете, как это бывает? Тебе дают папку, ты её читаешь по дороге. А к моменту прибытия уже знаешь, кого ищешь. Покупатель документов всегда себя выдаёт. У таких людей всегда тёмная история. Мотив один — скрыться. В таком случае поведение всегда будет подозрительным.

— И?

— Как только я сюда «устроилась», сразу поняла, что ищу именно вас. В первый день же увидела, как вы спорите с Капитановым. Кажется, ему кто-то рассказал, будто вы украли психотропные препараты на прошлом месте работы. В один из дней вы пришли на работу с синяком под глазом. Ах да... И ещё кое-что. Я ведь в курсе, что вы ходили на какую-то разборку за гаражами. И знаю, что вы взяли шприц с седативным. Я молчала, потому что мне было интересно, что вы с ним сделаете.

Ничего-то от неё не скроешь!

Точно, она видела, как я взял шприц. Всё совпадает.

— Что ж, браво, Полина Викторовна. Профессиональная внимательность, — пожал плечами я. — Вот только что вам даёт вся эта информация?

— Месяц прошёл, — она проигнорировала мой вопрос. — Месяц! И я каждый день жду, когда вы себя проявите. Когда вы хоть раз дадите мне зацепку — кроме самих документов. Но все неприятности, в которые вы влезали, всегда оканчивались либо спасением пациентов, либо... Либо у вас находились убедительные оправдания! Мне не за что было зацепиться. Я надеялась, что скоро смогу поехать домой. Так хотелось уже поскорее сообщить начальству, что материал собран. Но вы не оставили ни одной зацепки.

— Полина...

— Помолчите! — устало буркнула она. — Сейчас я говорю.

Забавно, но её слова прозвучали скорее не как приказ, а как каприз. Похоже, я иду в верном направлении. Мне удалось надавить на верные точки. Но расслабляться рано. Пока что опасность не миновала.

— Что тут сказать, доктор Астахов? — задумалась она. — Я могу сдать вас прямо сейчас. Доказательств у меня нет, но вы признали вину. Вот только...

— Только что?

— Вы действуете как настоящий врач. Не знаю, как это возможно. Но уж кто-кто, а я знаю, что вы помогаете пациентам. Качественно. Таких специалистов, как вы, даже в Москве

нет, — заявила она. — Но если я вас не сдам... Тогда я нарушу должностные инструкции. А я за восемь лет работы ещё никогда их не нарушала.

Восемь лет? Чёрт подери, неплохо же она скрывала свой возраст! Мне казалось, что она только-только выпустилась из медицинского колледжа. На вид Полине больше двадцати и не дашь.

А она, похоже, даже старше меня.

Я ждал, когда Полина продолжит свой монолог. Сейчас её торопить нельзя. Она скорее сама с собой говорит, чем со мной.

Убеждает себя! Именно этого я и пытался добиться.

— Алексей Сергеевич, — наконец обратилась ко мне Полина. — Кто вы на самом деле?

Я знал, что этот вопрос последует. Готовился к нему весь разговор. Но ответить на него всё равно трудно.

Сказать правду — нельзя. Правда в том, что я — попаданец из будущего в теле уголовника с нейроинтерфейсом. Да от такого заявления и чокнуться можно! А если соврать — она всё сразу поймёт. Глаз у неё на ложь намётан.

Остаётся только третий вариант...

— Я не могу вам рассказать всю правду. И вы это понимаете, — произнёс я. — На то у меня есть свои причины. Скажу столько, сколько могу. Да, изначально я — не Алексей Астахов. У того человека была лицензия, образование и плохая история, в которой он сам не хотел больше жить. Я не из органов, не из конкурирующей структуры, не из криминала. По крайней мере, сейчас. До этого у меня была другая жизнь, в которой я допустил много ошибок, за которые до сих пор стыдно. Я закончил её сам. Без чьей-либо помощи. И начал эту — с попытки делать что-то противоположное. И... Как видите, получается очень даже неплохо.

— Это очень аккуратная формулировка, — подметила она. — Никакой конкретики.

— Это всё, что я могу вам сказать. Если вы хотите больше — мне придётся врать. И вы сразу это поймёте. Тогда мы оба останемся в худшем положении, чем сейчас.

— Я ценю, что вы не врётё, Алексей Сергеевич, — после короткой паузы сказала она.

— А я ценю, что вы хотя бы пытаетесь меня слушать, — ответил я.

Эмоциональный фон Полины: тревога снижается. Подавление частично восстанавливается. Когнитивный диссонанс переходит в решение!

Ещё немного, и наш диалог перейдёт к кульминации. Сейчас у меня под рукой достаточно навыков. И я знаю, что могу одним словом довести Полину до нужной точки за десять секунд. Вот только через два-три дня она поймёт, что на неё воздействовали чем-то вроде гипноза. Профи вроде неё обязаны такое понимать. И тогда всё, что я сейчас выстроил, рассыпится, и она вернётся — уже с коллегами. И сомневаться больше точно не станет.

Поэтому я и пытался достучаться до неё словами. Пусть примет правильное решение сама.

Хотя в данном случае оба решения в каком-то смысле неправильные!

— Хорошо, — сказала она наконец. — Слушайте меня внимательно, Алексей Сергеевич. У нас с вами только один выход. Поступим следующим образом...

— Слушаю вас внимательно, — я позволил себе улыбнуться.

— Я остаюсь на месте. Командировка продлевается — это в моих полномочиях, мне разрешили взять ещё один месяц, если объект потребует... более подробного изучения. Я подам отчёт. Скажу, что объект под наблюдением, компрометирующих действий по линии профессиональной деятельности не зафиксировано. Сообщу, что требуется дополнительная проверка биографии.

— Так. Допустим, — кивнул я. — А что дальше?

Как-то подозрительно хорошо всё это звучит.

— Тридцать суток. За это время вы продолжаете работать так, как работали. Без эксцессов, драк и прочих конфликтов. И уж тем более — никаких шприцев в карманах. Если за следующий месяц я хотя бы раз замечу, что вы выходите за врачебные рамки, дело будет закрыто. Второго шанса у вас уже не будет. Надеюсь, вы меня поняли?

Проклятье... Сработало!

Этот разговор, пожалуй, был сложнее всех клинических случаев, убеждений и стычек, которые произошли со мной в течение последнего месяца.

Но я справился. И эта победа была возможна только потому, что всё это время я добросовестно работал и помогал людям. Так, как и делал всю свою прошлую жизнь.

— Понятно.

— И ещё, — она убрала пистолет в сумку. — Я не ваш друг. Не ваш союзник. Я продолжу быть вашим надзирателем. Решение принято. Но если это решение окажется ошибочным — расплачиваться буду я. Поэтому ошибаться я не намерена. Это вам тоже понятно?

— Понятно-понятно, Полина Викторовна, — улыбнулся я.

— И последнее... Если вы расскажете об этом разговоре кому-то — я сразу же об этом узнаю. И тогда...

— Я никому не скажу, — перебил её я. — Какой в этом смысл? Я, может, и похож на афериста, но на идиота вряд ли смахиваю.

— Это верно, — она впервые улыбнулась. Причём с облегчением.

Видимо, это решение далось ей с большим трудом. И она выбрала тот вариант, к которому сама больше стремилась.

— Идите домой, Алексей Сергеевич. Завтра в восемь увидимся снова. Я возвращаюсь к своей предыдущей роли. К роли вашей медсестры, — отперев дверь кабинета, произнесла она.

— Спасибо, Полина, — поблагодарил её я. — Рад, что мы смогли найти общий язык.

— Не благодарите, — покачала головой она. — Я ещё не знаю, правильно ли это сделала. Всё, до завтра, Алексей Сергеевич. На приём опоздаю минут на двадцать — у медсестёр будет планёрка, — с этими словами она направилась к выходу из поликлиники.

Быстро же она переключилась. Всего минута — и передо мной уже не сотрудник межведомственной службы, а та самая медсестра, с которой я трудился последние недели.

Совместимость: 78% (+3%). Эмпатический контакт с объектом «Гордеева П. В.» установлен. Уровень: предварительный!

Замечательно... Просто замечательно! Теперь у меня на работе сидит не медсестра, а мадам с табельным оружием.

Но она согласилась не сдавать меня. И я в свою очередь её не подведу. Возможно, Полина — мой шанс окончательно избавиться от риска быть обнаруженным.

Чёрт... А ведь я в Тиховолжске не один с такими документами хожу. Ещё ведь есть Макс! Он до сих пор не рассказал мне, зачем ему пришлось провернуть такую же аферу. Но лучше ему Полине лишний раз на глаза не попадаться.

А он ведь, зараза, как раз на неё глаз положил! То и дело крутится перед нашим кабинетом. Надо бы как-то предупредить его аккуратно. Сказать, например, что у её есть жених. Может, после этого успокоится.

Этим вечером я, наверное, впервые за всё время отправился домой на маршрутке. После пережитого разговора нужно немного передохнуть. Обдумать всё, переключиться.

Однако мои приключения на этом не закончились. Уже на подходе к квартире мне пришло сообщение в мессенджере.

От Лены.

«Лёша, если придёшь домой раньше меня, пожалуйста, не злись! Я скоро вернусь и всё объясню!»

Так... И какой же сюрприз уготовила мне судьба на этот раз?

Глава 2

Я прошёл в квартиру и запер за собой дверь. Прежде чем разуваться и двигаться дальше, притаился. Прислушался.

Странно. Абсолютная тишина, никаких звуков.

А ведь Лена сказала, чтобы я не злился. Даже не объяснила, что меня должно так раздражать. Может, что-то из мебели или техники сломалось?

Я аккуратно прикрыл за собой дверь, разулся. В прихожей всё было как обычно — Ленина куртка отсутствовала, мои тапки стояли на месте, на полке у зеркала всё в неизменном виде.

/Активирован режим сканирования помещения/

/Обнаружена биологическая активность. Дистанция: 6 метров. Параметры не соответствуют человеческим/

В смысле — не соответствуют человеческим?

Я мысленно перебрал несколько вариантов. Может, мыши или крысы как-то через щели пробрались? Или тараканы?

Да нет, с чего бы? Соседи у меня вроде порядочные, насекомых разводить не должны. Магазинов на первых этажах тоже нет. Тараканам неоткуда появиться. Тем более у нас в квартире всегда чистота и порядок.

Я бесшумно прошёл в комнату. Пусто. Заглянул на кухню — тоже никого. Только на столе обнаружился чек из супермаркета, придавленный кружкой. Быстро пробежался глазами. Список покупок — и в самом конце, отдельной строкой, что-то вычеркнутое, поверх которого Ленин почерк аккуратно вывел: «Объясню».

Да уж... Многообещающе! Интрига всё нарастает и нарастает.

/Источник активности локализован. Сектор: спальная комната, нижний уровень/

Под кроватью, значит?

Я прошёл в спальню и аккуратно присел на корточки около кровати. Поднял свисающий край покрывала, заранее готовясь к тому, что мне, возможно, придётся отбиваться от чьей-то атаки.

Из темноты на меня уставились два круглых жёлтых глаза.

Несколько секунд мы молча друг друга разглядывали. Потом существо в темноте издало звук, который сразу же дал мне понять, с кем я имею дело.

Всё встало на свои места.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш! — донеслось из-под кровати.

Я с облегчением выдохнул.

Пушистый белый кот. Что он тут делает — догадаться нетрудно. Видимо, за него Лена и извинялась. Наверное, решила завести домашнее животное, но со мной этот вопрос не обсуждала. А зря.

После сегодняшнего непростого дня и разборок с Полиной мне в качестве «приятного» дополнения подсунули пушистого диверсанта. Никогда не устану это повторять — у судьбы очень странное чувство юмора.

/Объект сканирования. Вид: Felis catus. Возраст: ориентировочно 1–2 года. Пол установить затруднительно из-за позы/

Не припомню, чтобы система вообще сканировала животных. Видимо, эта способность появилась только при перемещении в новое тело.

/Биометрия: пульс — 180 уд/мин (норма для вида), температура — повышена в пределах нормального стрессового ответа. Эмоциональный фон: красный/

/Интерпретация: агрессивно-оборонительная реакция, страх/

/Адаптация алгоритмов под нечеловеческий объект... выполнена частично. Точность анализа: 38%/

— Ладно. Стало быть, давай знакомиться, — пробормотал я, не убирая руки от покрывала. — Как тебя звать-то? Снежок какой-нибудь? Пусть будет Снежок.

Кот снова зашипел.

Я попробовал протянуть руку — ладонью вверх, медленно. Стандартный приём, многие животные воспринимают это как безопасный жест. Надо дать ему себя понюхать.

Но кот, едва моя ладонь приблизилась к нему, отполз ещё глубже под кровать, прижал уши и зашипел с удвоенной силой.

/Объект демонстрирует нетипичную реакцию/

/Анализ: реакция привязана к моменту активации сканирующего модуля. Объект предположительно реагирует на электромагнитный фон интерфейса/

Опа! Вот так новости. Первый раз встречаюсь с такой ситуацией. Раньше животные не реагировали на мой нейроинтерфейс. Интересно, что бы это могло значить? Говорят же, что кошки чувствуют всякую потустороннюю нечисть. Может, он и меня за неё принял?

Тьфу! Да о чём я только думаю?

Я мысленно отключил сканирование.

Шипение сразу же стихло. Кот всё так же недоверчиво смотрел из-под кровати, но уши приподнялись, поза стала более расслабленной.

— Вот оно как, — хмыкнул я.

Я снова мысленно активировал систему.

— Ш-ш-ш-ш-ш! — выдал кот.

Деактивировал.

Снова тишина.

Активировал.

— Ш-ш-ш!

Так, ладно, эксперимент, очевидно, прошёл успешно. Хватит издеваться над котом. Лучше при нём систему вообще лишний раз не включать.

Забавно получается. Сотрудник спецслужбы мою систему не чувствует, зато какой-то дворовый кот реагирует на меня как счётчик Гейгера на радиоактивный фон.

— Ладно, дружище. Не буду тебя сканировать. Мир?

Кот заключать мир не спешил. Ну разумеется, ему нужно время, чтобы ко мне привыкнуть.

Я поднялся и прошёл на кухню. В шкафчике нашлась банка тушёнки. Я выложил небольшой кусочек на блюдце, поставил на пол посреди комнаты и отошёл к противоположной стене.

— Угощайся, — бросил я. — На этот раз без подвоха, обещаю.

Минуты три ничего не происходило. Потом из-под кровати показался белый нос. Затем усы. Потом — целиком небольшая, довольно изящная мордочка. Кот опасливо принюхался, оценил расстояние до меня и быстро, рывками, добрался до блюдца. Съел тушёнку с такой жадностью, что стало понятно: гулял он по улице не один день.

Нет, это всё, конечно, очень весело, но есть один нюанс.

Я живу в служебной квартире. У меня есть договор, в котором указан пункт о запрете содержания домашних животных. Хотя... пункт о запрете проживания посторонних лиц тоже там был. И я его уже давно благополучно нарушаю.

Думаю, опасаться нечего. Копылову я уже разок вправил мозги, вряд ли завхоз ещё раз сунется сюда с проверкой.

Так что один лишний пушистый жилец погоды не сделает.

Кот доел, облизнулся и поднял на меня взгляд. На этот раз — оценивающий. Без шипения.

В прихожей послышался шум.

— Лёш? — раздался голос Лены. — Ты дома?

— Дома, — отозвался я. — И не один.

Лена появилась на пороге комнаты, в руках большой пакет, из которого выглядывал угол коробки с кошачьим кормом. Она замерла, увидела меня сидящим на полу. Затем перевела взгляд на кота, который старательно вылизывал блюдце.

— Ты не злишься? — с надеждой спросила она.

— Нет, всё в порядке, — честно ответил я. — Хотя могла бы и предупредить заранее.

Она просияла.

Поставила пакет на пол и в два шага оказалась рядом, опустилась на колени около кота. Снежок при её приближении не отскочил — только насторожился. Похоже, с Леной они уже были на «ты».

— Я его сегодня у мусорки нашла, — объяснила Лена. — Сидел между баками, грязный весь, мяукал. Я мимо прошла, потом вернулась. Не смогла его там оставить. Смотри, он ведь породистый. Либо потерялся, либо хозяева выбросили. Он же не выживет.

— Не выживет, — согласился я.

— Я его в ветеринарку сразу отнесла, тут рядом. Блох нет, вшей нет. Здоров. Молодой совсем, говорят, год-полтора. Он чистый, я его дома помыла, — продолжала Лена. — Корм вот купила, лоток купила, наполнитель... — она осеклась. — Лёш. Я понимаю. Квартира служебная. Я просто...

— Лен, да всё в порядке. Не оправдывайся. Мы его оставляем, — сказал я. — Общий язык с ним мы уже нашли, пока тебя не было.

— Правда? — обрадовалась она.

— Правда. Только с одним условием. Если когда-нибудь нагрянет проверка, надо будет его спрятать. В переноску или куда-нибудь. К Макс, например. Хотя... — я поморщился, представив Макса с белым пушистым котом на коленях, — лучше к кому-нибудь другому. Макс его так салом откормит, что у кота поджелудочная за сутки откажет.

— Договорились! — улыбнулась Лена.

Она наклонилась и осторожно подняла Снежка. Кот не сопротивлялся — устроился у неё на стиге локтя так уверенно, будто прожил у нас всю жизнь. Только покосился в мою сторону жёлтым глазом — мол, я тебя запомнил, доктор.

Мы перебрались на кухню. Лена разогрела чайник, я достал из шкафа печенье. Снежок обошёл периметр кухни, обнюхал ножки стола, обнюхал мои тапки с явным неодобрением, запрыгнул на подоконник и устроился наблюдать за нами оттуда.

— Слушай, — вновь заговорила Лена. — У меня ещё одна новость.

Что-то в её голосе мне сразу не понравилось.

— Слушаю.

— Мой брат звонил. Кирилл. Хочет на этой неделе приехать, проведать. У него отгулы накопились, он давно собирался.

Я неспешно поставил кружку обратно на стол.

Тот самый Кирилл, которого три года назад избил человек по фамилии Борзов. Другими словами, мой предшественник. Проклятье...

И ведь Лена с недавних пор знает, что этот человек — я.

Не исключено, что он меня запомнил. Уж если Лена смогла меня узнать, то и он опознает.

— Лёш? — Лена смотрела на меня внимательно. — Я ему, естественно, ничего не говорила. Он знает, что я с кем-то встречаюсь, и всё.

— Не беспокойся. Я подумаю, как подготовиться к разговору с ним, — заключил я.

— Если хочешь, я могу попросить его... не приезжать. Сочиню какую-нибудь отговорку.

— Нет, — я помотал головой. — Не надо ничего придумывать. Это твой брат. Он имеет полное право тебя навещать.

Но я прекрасно понимаю, что разговор будет непростым. Мне предстоит ещё одна встреча, которая потенциально может привести к раскрытию моей личности.

И с братом Лены, очевидно, будет труднее заключить мир, чем со Снежком.

Следующий рабочий день начался так, будто событий вчерашнего дня и вовсе не существовало.

Полина опоздала на приём, поскольку была на планёрке. Когда она вошла в кабинет и присела за стол, мне начало казаться, будто между нами вообще ничего не изменилось.

— Доброе утро, Алексей Сергеевич. Сегодня семь записанных. Первый — Захаров, девять ноль-ноль. Карточка у вас на столе. Ещё двое без записи уже отметились у регистратуры, просили принять в конце очереди.

— Доброе, Полина Викторовна. Спасибо за отчёт, — улыбнулся я.

Она сдержанно кивнула и вернулась к карточкам.

Я принялся заполнять документы в компьютере, но параллельно с этим пару раз поднял взгляд и посмотрел на Полину.

Выглядит точно так же, как и всегда. Самая обыкновенная медсестра. Ни намёка на вчерашнее — ни на удостоверение, ни на пистолет.

Я мысленно усмехнулся. Мне уже начало казаться, что у меня самого вчера были галлюцинации. Может, я просто перенапрягся и придумал себе всё это? А что? Психиатр — тоже человек. Имеет право тронуться умом.

Удобная версия. Очень удобная. Шутки шутками, но система сразу же выдала мне сообщение, доказывающее, что произошедшее вчера не было иллюзией.

/Эмоциональный фон объекта: однородный/

/Цвет: зелёный, без флуктуаций/

Ну, что и требовалось доказать. Полина успокоилась и вернула себе контроль над эмоциями. Снова начала действовать как профессионал.

Я открыл карточку первого пациента.

«Захаров Виктор Андреевич, 41 год. Учитель литературы, средняя школа №4. Направлен терапевтом. Жалобы: бессонница, тревожность, навязчивые состояния».

О, ну наконец-то терапевты научились отправлять ко мне профильных пациентов. Обычно присылают всех подряд — лишь бы спихнуть жалобщиков или больных с трудным характером.

Здесь же, судя по описанию, проблемы как раз моего профиля.

Через пару минут в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул я.

Виктор Андреевич Захаров оказался худощавым человеком в очках. На нём был надет серый пиджак поверх водолазки. Стоило разок на него взглянуть — и сразу же даже без системы формировалась картина его характера.

Он из тех учителей, которые не орут на уроках. Такие, если ответ ученика их не устраивает, делают вид, будто жутко разочарованы. И порой детей подобная реакция пугает ещё сильнее, чем крик.

Захаров сел на стул напротив меня, сложил руки на коленях и посмотрел в окно. Сам начинать разговор он явно не планировал.

— Здравствуйте, Виктор Андреевич, — взял инициативу я. — Расскажите, что вас привело ко мне?

— Я схожу с ума, — сказал он спокойно, по-прежнему глядя в окно. — Точнее, я пока что это только подозреваю. Но мне нужно подтверждение от специалиста.

— Давайте по порядку. С чего вы сделали такой вывод?

Он помолчал. Поправил очки.

— Я вижу лица. Там, где их нет, — заявил он.

Эмоциональный фон: жёлтый. Тревога, стыд. Критика к собственному состоянию сохранена!

Уже хорошо. Это важная деталь. Здравая оценка своего состояния часто является главным отличием невроза от психоза. В первом случае человек понимает, что с ним что-то не так. Во втором — больным себя он не осознаёт.

— Опишите подробнее. Где именно вы видите лица? — уточнил я.

— Везде, — он наконец повернулся ко мне. — В обоях. В трещинах на потолке. В разводах на кафеле в учительском туалете. В коре дерева под окном класса. Они смотрят на меня, Алексей Сергеевич. У них есть свои выражения — насмешка, осуждение, иногда даже жалость! Я знаю, что их нет. Я знаю, что это просто пятна и трещины. Но я их вижу. И мне страшно, понимаете? Я же с детьми работаю. Если и в самом деле схожу с ума — нужно срочно лечиться или вовсе уходить с работы.

— Правильно сделали, что пришли. Сейчас со всем разберёмся. Как давно с вами это происходит?

— Месяца три. Сначала редко бывало. Сейчас — каждый день. По несколько раз. Я уже боюсь заходить в собственную ванную — там кафель в мелкую крапинку. Даже в нём лица проступают. Жене пока ничего не рассказывал. Говорю, что просто устаю сильно...

— Понимаю. А эти «лица» с вами разговаривают? — поинтересовался я.

— Нет, — он покачал головой. — Ещё бы они разговаривали! Всегда просто молча смотрят. Погодите... А они что, ещё и разговаривать начнут?!

— Не начнут, успокойтесь, — ответил я. — А когда вы отводите взгляд и смотрите снова — они там же?

— Хм... Иногда — да. Иногда исчезают. Но порой после этого появляются новые.

— Вы можете при желании их «развидеть»? Заставить себя увидеть просто узор?

Он задумался.

— Если очень постараюсь... да. Но ненадолго. Потом они возвращаются.

Точность анализа: 82%

Предварительная картина: парейдолия на фоне тревожно-обсессивного расстройства.

Признаков продуктивной психотической симптоматики не выявлено!

Я мысленно кивнул. Система пришла к тому же выводу, что и я. Никакой шизофрении. Никакого психоза. Человек видит то же, что любой из нас видит в облаках или в узоре линолеума — лица. На самом деле это обыкновенная особенность человеческого мозга, оставшаяся ещё от наших первобытных предков. Мозг привык отмечать лица там, где их нет, чтобы не пропустить появление хищника или затаившегося в кустах врага из соседнего племени.

Просто мозг учителя делает это слишком часто и приносит огромную тревожность. Это и называется парейдолией.

— Виктор Андреевич, — сказал я. — К счастью, я вас сейчас успокою. Вы три месяца мучили себя страхом, который не имеет под собой никаких оснований. Но есть и хорошая новость — у вас нет ни шизофрении, ни психоза. Вы не сходите с ума.

— Но я же ВИЖУ их, — прошептал он.

— Видите. И это нормально. Точнее — это нормальный механизм, который у вас работает сильнее, чем должен. Называется парейдолия. От греческого «пара» — рядом, и «эйдолон» — образ. Этим занимается ваша зрительная кора, и занимается она этим у всех людей без исключения. Вы когда-нибудь видели лицо в облаках?

— Конечно.

— Морду собаки в пятне на стене?

— Да.

— Поздравляю, у девяноста девяти процентов человечества — парейдолия. Это эволюционный механизм. Древнему человеку было выгодно ошибочно принять куст за тигра, чем тигра — за куст. Мозг настроен на сверхчувствительность к лицам, потому что лица — это либо свой, либо чужой, либо враг, либо хищник. Цена ошибки в одном случае — испуг. В другом — травма или смерть. Сейчас для современных людей это уже не актуально, но человечество до сих пор существует во многом потому, что наши далёкие предки пользовались этим свойством мозга.

— То есть... это не болезнь?

— Это особенность работы мозга, которая у вас сейчас сцеплена с тревогой. Вы устали, плохо спите, на работе нагрузка — и ваша психика решила, что во всех пятнах нужно искать угрозу. Лица. Осуждение, насмешку. Знакомо звучит? Это ровно то, чего вы боитесь в реальной жизни — что вас осудят. Мозг подкладывает вам ваши же страхи прямо в окружающий мир.

Захаров несколько секунд молчал. Потом — впервые за весь приём — слабо, недоверчиво улыбнулся.

— Получается, я не сумасшедший. Я просто... невротик с богатым воображением?

— Очень точная формулировка. В диагнозе будет указано практически то же самое.

Он засмеялся. Искренне и по живому.

Эмоциональный фон: светло-зелёный. Облегчение, надежда!

— Так, доктор, и что мне делать дальше?

— Слушайте внимательно. Когда увидите лицо — не отворачивайтесь. Посмотрите прямо на него и мысленно скажите: «Это трещина. Это узор. Это работа моей зрительной коры». Не боритесь, не пугайтесь — просто называйте вещи их именами. Бегство никогда не помогает справиться со страхом. Нужно переживать это осознанно. Через две-три недели мозг устанет подкидывать вам то, на что вы не реагируете, и количество «лиц» пойдёт на спад.

— И всё?

— И всё. Это называется экспозиция. Звучит просто, работает безотказно. Ещё не забывайте спать. Минимум семь часов. Если не получается — приходите, я выпишу мягкий препарат на пару недель, чтобы вытащить вас из недосыпа. Без снотворного эффекта днём. На работе будете как огурчик.

— Обязательно последую вашим советам, Алексей Сергеевич, — выдохнул Захаров. — Как же вы меня успокоили!

— Через две недели жду на контроль. Без записи, просто загляните. Полина Викторовна вас пропустит.

Полина, не отрываясь от журнала, едва заметно кивнула.

— Алексей Сергеевич, спасибо ещё раз. Я... я три месяца представлял, что приду сюда и... Думал, что меня тут закроют. Отправят в психушку.

— Рад, что смог вам помочь, — улыбнулся я.

Он вышел.

Я откинулся на спинку стула. Один пациент есть, до следующего целый час. Можно пока чаю выпить!

— Полина Викторовна, — позвал я. — Поставьте чайник?

Я тут же осёкся. По привычке попросил её об услуге и только после сказанного осознал, что заказываю чай сотруднику спецслужбы.

— Уже, Алексей Сергеевич, — как ни в чём не бывало ответила она.

Остальная часть рабочего дня прошла без происшествий. Семь записанных, двое без записи, ни одного буйного, ни одного скандала в коридоре. К пяти часам я даже позволил себе осторожную мысль, что бывают, оказывается, обычные рабочие дни!

Зря.

Иногда мне кажется, что мысли материальны. Стоило мне об этом подумать, как на пороге моего кабинета появились две одинаковые фигуры.

Владимир и Валентин. Близнецы-санитары, моя личная тяжёлая артиллерия по части буйных пациентов. За полгода я научился их различать — у Владимира чуть глубже залом между бровей, у Валентина мочка левого уха слегка оттопырена. Больше никаких отличий.

И сейчас оба санитары выглядят непривычно серьёзно.

— Алексей Сергеевич, — сказал Владимир. — Можно к вам? По личному.

— Конечно, заходите.

Они вошли, прикрыли за собой дверь — и оба, не сговариваясь, посмотрели на Полину.

Та подняла голову от журнала.

— Полина Викторовна, — Владимир кашлянул. — Извините. Не могли бы вы... ну, на пару минут отойти. Разговор конфиденциальный.

Полина не двинулась. Только перевела взгляд на меня — медленно, без выражения, но я уже научился читать в этом ровном взгляде целые абзацы.

«Алексей Сергеевич, вы уверены, что готовы так рисковать? Это, случаем, не связано с тем, о чём мы говорили вчера?» — вот такое сообщение я прочёл только по одному её взгляду.

Я едва заметно качнул головой и указал взглядом на дверь.

«Не связано. Идите. Клинический случай», — имел в виду я.

Странно, но, кажется, она меня поняла. Удивительно, будто у нас телепатическая связь образовалась!

Она аккуратно закрыла журнал, поднялась и, не сказав ни слова, вышла. Я повернулся к близнецам.

— Слушаю, господа. Что стряслось? — начал я.

Они переглянулись. Валентин шагнул вперёд. Сел на стул напротив меня. Напряжение в нём читалось невероятное. Теперь его отличить от брата ещё проще. Владимир выглядит чуть более спокойным.

— Алексей Сергеевич, — Валентин сглотнул застрявший в горле ком. — У меня проблема. Серьёзная.

— Рассказывайте.

Он молчал секунд пять. Потом поднял на меня взгляд. Очевидно, это — не розыгрыш. По глазам вижу — мысли у Валентина мрачные.

— Я вижу своего двойника, — заявил санитар.

В кабинете повисла тишина.

Эм... Я, вообще-то, его тоже вижу! Вот он — Владимир — генетический двойник. У двери стоит.

Или же... Валентин имеет в виду что-то другое?

Глава 3

В моём кабинете повисла тишина. Даже несмотря на богатый опыт в работе с невротиками и психозами, заявление Валентина застало меня врасплох.

Ну уж больно странно слышать, что человек видит двойника, когда этот двойник и в самом деле существует! У однояйцевых близнецов идентичный генетический материал, чему тут удивляться?

Я прокашлялся, чтобы скрыть свою короткую заминку, и приготовился к серьёзной беседе. Ситуация на самом деле комичная, вот только близнецам сейчас явно не до смеха. Да и мне, как врачу, которому придётся с этим разбираться, тем более.

— Валентин, давайте уточним, — аккуратно начал я. — Под двойником вы имеете в виду Владимира? Или кого-то другого?

— Нет, вы что! Не Володьку, — помотал головой Валентин. — Вы меня уж за идиота не держите, Алексей Сергеевич. Своего родного брата за двойника принимать? Я о другом говорю. Проблема в том, что вижу ещё одного себя. Третьего. Ну... Вы поняли.

Эмоциональный фон: оранжевый. Тревога — высокая. Стыд — выраженный. Критика к состоянию сохранена!

Уже хорошо. Значит, человек понимает, что с ним что-то не так. И, что ещё важнее — способен отделить реального брата от того, что ему мерещится.

Значит, надо копать дальше. Главное, чтобы не выяснилось, что у них на самом деле есть третий брат!

— Расскажите подробнее, — попросил я. — Где и когда вы его видите? При каких обстоятельствах?

Валентин помялся, бросил быстрый взгляд на брата.

— Чего смотришь-то? — буркнул Владимир. — Давай уже, выкладывай! Зря пришли, что ли? Я твой бред сумасшедшего больше слушать не хочу. Пусть доктор с тобой разбирается.

— Ох... Первый раз я увидел его месяца два назад, — тяжело вздохнув, заговорил Валентин. — Я возвращался с ночной смены. Иду по двору, в подъезд захожу, а у нас там зеркало висит. Я к нему в тот момент спиной стоял. Мне кто-то звонить в этот момент начал. Я ответил, потом смотрю в отражение телефона и понимаю, что в зеркале — он. То есть сразу два «меня» в зеркале, понимаете? Ну, я обернулся — никого не увидел. Подумал — устал просто, померещилось. С кем не бывает?

— Бывает, — согласился я. — Продолжайте. Какие ещё были случаи?

— Через неделю снова такая же ерунда. Я на кухне себе чай наливаю, потом поднимаю глаза, смотрю в окно... А там опять в отражении «я». Причём отражение стоит у плиты, а я, между прочим, в этот момент за столом сидел! Я тогда вздрогнул, но опять серьёзного значения этому не придал. Помотал головой — и всё прошло.

Интересная ситуация. И пока что я даже с ходу не могу сказать, из-за чего это возникло. Нужно получить больше информации.

— Так, всё ясно. А дальше? — поинтересовался я.

Стандартный приём. Время от времени нужно показывать пациенту, что ты его слушаешь. Так ему проще подавать историю и не упускать важные детали.

— Дальше это начало происходить всё чаще и чаще, — Валентин опустил взгляд. — В стекле автобуса, в витринах, в тех же самых зеркалах и окнах. Один раз вообще ужас случился... Ночью проснулся, пошёл на кухню воды попить, а на меня из тёмного коридора смотрит... Этот... Ну, в смысле — я. Просто стоит и смотрит, доктор! Я свет включил — опять никого. И вот тут я уже не на шутку струхнул, Алексей Сергеевич.

— А самое неприятное знаете что? — подхватил вдруг Владимир. — Он на меня начал коситься. Думал, что это я его разыгрываю! Будто мне делать больше нечего.

— Конечно, я тебя подозревал! — буркнул Валентин. — А что ещё мне было думать? — он перевёл взгляд на меня. — Мы с Володькой — одно лицо. Я думал, может, он подкрадывается специально. Мы часто друг над другом подшучиваем. Вот я и решил, что чем-то обидел его, а он взамен решил мне отомстить таким вот образом.

— По-твоему, я бы мог зайти так далеко? — возмутился Владимир. — Да я когда узнал, что он на меня грешит, чуть не врезал ему, Алексей Сергеевич! Говорю ему тогда, мол, дурак ты! С башкой у человека что-то случилось, а он всё на родного брата валит.

— Стоп, господа санитары, прекращаем спор, — я чуть повысил голос и поднял над головой ладонь. — Обойдёмся без разборок в моём кабинете. Володя, присядьте. И пока что не участвуйте в нашей беседе. Успокойтесь оба, иначе разобраться в проблеме будет трудно. А вы, Валентин, продолжайте.

Владимир молча устроился на втором стуле. Валентин выдохнул.

— В общем, я понял, что Володька тут ни при чём, — продолжил он. — До меня это окончательно дошло, когда я в последний раз увидел «себя» на работе. У нас в санитарской зеркало небольшое висит. Я заглянул — а из зеркала на меня смотрит мой двойник. И улыбается. Криво так, противно! Аж мурашки по коже бегут. А Володьки рядом вообще не было — он в этот момент на третьем этаже с пациентом возился. Я даже позвонил ему сразу, убедился — это не мог быть он.

— И что вы почувствовали в тот момент? — спросил я.

— Страх, — честно ответил Валентин. — Я бы даже сказал — ужас. Подумал — всё, доигрался, поехала крыша. Мы ведь часто вам помогаем буйных пациентов вязать. Вот и решил, что сам на этом фоне не выдержал и становлюсь таким же.

/Диагностика завершена. Точность анализа: 79%/

/Предварительная картина: аутоскопические галлюцинации функционального генеза. Признаков органических изменений головного мозга не выявлено. Фон — хронический стресс, нарушение сна, профессиональная сенсбилизация/

Ага... Как и всегда — никакой мистики. И, к счастью, никаких психотических состояний. Картина складывается интересная, но не пугающая. Аутоскопия — это и есть то самое явление, когда человек видит самого себя со стороны. Вот только я с этим состоянием едва ли хоть пару раз за две жизни встречался. В литературе аутоскопию упоминать любят, а вот в клинике она встречается реже, чем принято думать, и далеко не всегда говорит о тяжёлом расстройстве.

В случае Валентина пазл складывается идеально. Все пункты подходят один к одному.

Хроническая усталость. Ночные смены. А про постоянный контакт с настоящими галлюцинирующими пациентами и говорить не стоит. Это отдельный фактор риска. У многих санитаров, медсестёр и врачей, работающих в среде психиатрии, часто возникает серьёзная профдеформация.

Плюс — у него с детства перед глазами живой «двойник», родной брат. Образ собственного лица буквально вшит в его зрительную память — он каждый день видит копию своего лица не только в зеркале, но и в окружающем мире.

Мозг сильно вымотался, решил подкинуть галлюцинацию, и нервной системе подвернулся самый простой и доступный вариант. То, что лежит на поверхности.

— Валентин, — произнёс я. — Начнём с того, что с ума вы не сходите — это первое. Второе — ваш брат вас не разыгрывает, мы все уже в этом убедились. Третье — у того, что с вами происходит, есть медицинское название. Аутоскопия.

— То есть... это болезнь? — напрягся санитар.

— Не совсем. Я бы сказал, что это симптом. И симптом в вашем случае абсолютно функциональный. Другими словами, его можно убрать. И, к счастью, он не имеет под собой основы

из каких-то серьёзных повреждений мозга или психики. Скажите, а как у вас со сном дела обстоят?

Валентин горько усмехнулся.

— Какой сон, Алексей Сергеевич? Вы вообще о чём? Сутки через сутки! И в выходные — не высыпаюсь, потому что соседи сверху ремонт делают четвёртый месяц.

— Ясно. А по работе — часто с буйными возитесь. Но что после смены? Про пациентов думаете? Вспоминаете их?

Валентин задумался.

— Да, думаю, — признался он. — Особенно про тяжёлых. Иногда лица их перед глазами стоят. Кто как кричал, кто что нёс. Иногда не по себе от этого становится. Владимир как-то попроще это переносит.

— Во-от, — протянул я. — Теперь картина предельно ясная. У вас, Валентин, классическое перенапряжение зрительной коры на фоне хронического недосыпа и профессионального стресса. Мозг просто устал. А когда мозг устаёт — он начинает работать с ошибками. Как компьютер, в котором накопилось много вирусов и ошибок системного кода, понимаете? Поэтому в нём и замкнулась патологическая цепочка мыслей, из-за которых вы постоянно видите галлюцинации.

— Так, а почему он мне в зеркале мерещится, а не на улице? — нахмурился Валентин. — Я обратил внимание, что это происходит только в помещениях. Есть ведь этому какое-то объяснение?

— Прекрасный вопрос, — подметил я. — На улице обычно больше отвлекающих факторов — начнём с этого. Концентрация внимания направлена на другое. А с зеркалом всё куда интереснее. Мозг знает, что в нём вы должны увидеть своё лицо. И когда вы в полусонном или уставшем состоянии бросаете на зеркало беглый взгляд, мозг не утруждает себя подробностями и создаёт это отражение с ошибкой.

— Что б меня... — выругался Валентин. — И как дальше быть, доктор? Это вообще лечится? Или привыкать придётся?

— Лечится. И довольно просто, — улыбнулся я. — Никаких таблеток я вам назначать не стану. Нужно соблюсти всего три пункта. Во-первых, хорошо высыпаться. В вашем случае восемь часов — этот минимум. Если соседи мешают, купите беруши. Ещё маску для сна можно, чтобы полностью изолировать себя от лишних раздражителей. Во-вторых, вам нужно разгружаться. Не крутите больше мысли о пациентах после смены. Пришли домой — и сразу же переключайтесь. Займите себя чем-нибудь. Любое дело, хобби или развлечение. Что на ум придёт — то и делайте. И, наконец, в-третьих... Вот тут слушайте внимательно. Это самая важная часть. Когда снова увидите «двойника», не отворачивайтесь. Посмотрите на него прямо и скажите себе мысленно: «Это мой уставший мозг создаёт иллюзию. Я просто смотрю на себя со стороны. Никого рядом со мной нет». Не пугайтесь этого образа. Просто включите осознанность — и всё это быстро пройдёт.

— Так просто? — недоверчиво уточнил Валентин.

— Да, о чём я вам и говорю. Через две-три недели образ перестанет появляться. Мозг отдохнёт — ошибки уйдут.

Валентин выдохнул так, будто с него только что сняли мешок цемента. Владимир, до этого сидевший молча, шумно почесал затылок.

— Алексей Сергеевич, — сказал он. — А я-то, дурак, на него злился. Думал, что он сам меня разыгрывает. Сумасшедшим притворяется.

— Бывает, — пожал я плечами. — В следующий раз, если что-то непонятное — сразу ко мне. Не терпите. Если игнорировать симптомы, со временем можно себе куда более серьёзные проблемы нажить.

— А я ему говорил! — вмешался Валентин, ободрившийся прямо на глазах. — Говорил же — пойдём к Алексею Сергеевичу. А он — нет! Не отвлекай, говорит, врача! Неудобно! Доктор Астахов занят, ему не до этого!

— Это я-то говорил? — опешил Владимир. — Это ты говорил!

— Я говорил?!

— Господа санитары, — вздохнул я. — Всё, закругляемся. Освободите кабинет. Оба. Через две недели, Валентин, на контроль. Без записи. Переговорим между пациентами.

Близнецы поднялись синхронно — даже спинки стульев скрипнули в унисон. У двери Валентин обернулся.

— Спасибо, Алексей Сергеевич. Честно. Я уж думал — всё, отработался.

— Идите, Валентин. И выспитесь, наконец.

Дверь за ними закрылась.

Всё-таки отсутствие сна и хронический стресс — самые главные причины заболеваний в моей профессии. Нервная система быстро изнашивается, не успевает восстанавливаться и в итоге начинает выдавать вот такие «шутки».

Ярким примером значимости сна для человека является та же самая знаменитая «белочка». Или, как это состояние называют в медицине — алкогольный делирий.

О нём ходит очень много заблуждений. Большинство людей полагает, что делирий появляется на пике пьянства. На самом же деле всё в точности наоборот. Он возникает у алкоголика, который резко прекратил пить.

Вот только основная причина возникновения делирия — не сам факт отсутствия алкоголя в организме. Дело в отсутствии сна!

Организм зависимого никак не может адаптироваться к трезвому режиму, в итоге мозг мешает больному заснуть. Тот страдает от бессонницы в течение трёх-четырёх суток. А затем ловит «белку», страшный сон наяву.

Это хороший пример, который показывает, как важен процесс сна для любого человека. На мой взгляд, он даже важнее, чем еда. Без еды можно протянуть достаточно долго. А вот без сна организм начнёт сдавать уже через несколько суток.

До конца рабочего дня оставалось ещё полтора часа. За это время я успел принять последних двух пациентов — оба с типичными жалобами, ничего интересного. Полина за всё это время произнесла от силы десять слов — строго по делу. К ней снова вернулось то самое профессиональное хладнокровие, которое раньше казалось мне аномалией.

Зато теперь я знаю, чем оно объясняется. Восемь лет работы в межведомственной службе — это нешуточный опыт.

В шесть часов я попрощался с медсестрой, надел куртку и направился к выходу. По дороге я вспомнил о Снежке. Вчера я уж не стал вдаваться в подробности, но сейчас одна мысль меня всё же беспокоит. Уж больно как-то странно этот кот реагирует на мою систему. Надо бы проверить потом, все ли животные фиксируют мой нейроинтерфейс, или только он.

Может, Лена вообще какого-нибудь магического кота на мусорке нашла!

Сегодня я решил пройтись пешком. После всех этих разговоров с близнецами и постоянного напряжения на работе хотелось просто проветрить голову.

Однако телефон в кармане завибрировал на полпути.

Сообщение от Лены.

«Лёша, ситуация изменилась. Кирилл приедет раньше, чем я думала. У него отменилась какая-то встреча. Будет в городе минут через сорок. Прости, я думала, что он в выходные приедет. Мы даже подготовиться не успели!»

М-да... Вечер обещает быть напряжённым. Но в каком-то смысле это даже к лучшему. Чем быстрее я разберусь с этой проблемой, тем лучше. Какой смысл откладывать неизбежное, если судьба регулярно подбрасывает мне сюрпризы один за другим.

По дороге до дома я мысленно прокрутил всё, что знаю о Кирилле. Со слов Лены, ему сейчас двадцать восемь. Три года назад, когда мой предшественник его колотил, они жили в Саратове. Кирилл работал и вроде как до сих пор работает в каком-то IT-направлении.

Чем закончилась его встреча с моим предшественником, я уже знаю. Сломанные рёбра, два месяца на больничном.

Самое неприятное в этой истории — то, что я понятия не имею, что именно тогда видел Кирилл. Мог запомнить лицо. А мог и не запомнить. Если он рассмотрел Борзова в темноте под уличным фонарём — одно дело. Если же нападавшие сразу зашли со спины — картина меняется. К сожалению, в памяти этого тела той сцены уже не осталось, либо она запрятана так далеко, что я её не нахожу.

Остаётся надеяться на лучшее. И готовиться к худшему.

К дому я подошёл за полчаса. На лестничной клетке — запах жареной картошки. Видимо, Лена не теряла времени. Я отпёр дверь, разулся.

— Лен, я дома.

— Иду! — донеслось с кухни.

Она выглянула с полотенцем в руках. По лицу сразу было видно — нервничает.

— Лёш, ты точно не злишься? Я правда не ожидала, что он так рано приедет.

— Лен, перестань. Всё нормально, — я аккуратно её приобнял за плечи. — Лучше скажи, во сколько он будет?

— Минут через пятнадцать. Уже у вокзала.

— Отлично. Успею душ принять и переодеться.

— Лёш... — она опустила взгляд. — А если он тебя всё-таки узнает?

Я задумался на секунду. Сказать «не узнает» — было бы враньём. А врать ей я больше не хочу.

— Если узнает — будем разговаривать. Так же, как мы с тобой разговаривали. Других вариантов всё равно нет.

Она кивнула. Не сказать чтобы её это успокоило, но хотя бы немного оживилась.

Через пятнадцать минут я уже окончательно освежился, переоделся и расположился на кухне. Снежок, видимо, уже окончательно решил, что я свой. Запрыгнул на стул и начал пристально наблюдать за мной. Будто сам меня изучает с помощью какой-нибудь «кошачьей системы».

Наконец, в дверь позвонили.

Лена вздрогнула. Я положил ладонь ей на запястье.

— Спокойно. Открывай.

Она глубоко вдохнула и пошла в прихожую. Я остался сидеть на кухне — решил не выходить навстречу. Нужно дать брату и сестре время. Из коридора донеслось радостное «Кирюха!», потом тяжёлый стук рюкзака об пол и последующий смех.

— Ленка! Ты совсем тут расцвела, я смотрю. Тиховолжск тебе на пользу пошёл, — слышался голос Кирилла.

— Болтун, — засмеялась Лена. — Раздевайся, проходи. Лёша на кухне. Сейчас познакомитесь.

Последнюю фразу она сказала уже не так уверенно.

Эмоциональный фон объекта: зелёный. Лёгкое любопытство. Выраженная агрессия отсутствует. Идёт дополнительная диагностика.../

Что ж, а это уже радует. Если бы что-то заранее пошло не так, система бы это сразу зафиксировала.

На пороге кухни появился Кирилл. Высокий, в рубашке и потёртых джинсах. Лицо узкое, как и у Лены, только щетина и круги под глазами от долгой дороги или недосыпов. На плече — небольшой рюкзак.

Он посмотрел на меня, но не произнёс ни слова. Впился взглядом и даже моргать перестал.

И вот тут началось то, чего я всё это время ожидал. И ожидал с опасением.

Он смотрел секунд пять. Может, шесть. Лицо — серьёзное, без выражения. Брови чуть сдвинуты. Я отчётливо услышал, как за спиной у Кирилла Лена перестала дышать.

Эмоциональный фон объекта: лёгкое напряжение. Узнавание не фиксируется. Считывание лица в режиме знакомства!

Всё-таки пока что не узнал. Но это ещё ничего не значит. Всё может измениться в любой момент.

Я выдержал его взгляд спокойно. Без какого-либо вызова. Просто сидел и ждал, когда он первый выдаст хоть какую-то реакцию.

И тут лицо Кирилла внезапно расплылось в широкой улыбке.

— Да расслабьтесь вы оба, я прикалываюсь, — он шагнул в кухню и протянул мне руку. — Кирилл. Очень приятно наконец-то с тобой познакомиться, Алексей. Ленка про тебя уже все уши прожужжала.

Я пожал ему руку.

За спиной у брата Лена тихо выдохнула. И тут же, чтобы скрыть это, кашлянула.

— Кирюха, ну что ты за дурачок такой? — возмутилась она. — Зачем ты так делаешь? Я уж чего себе только не надумала!

— А я что? Я ничего, — он развёл руками. — Просто люблю первое впечатление производить. Профдеформация.

— Какая ещё профдеформация? Ты программист.

— Вот именно. Поэтому первое впечатление я произвожу один раз в год, на корпоративе. Надо же где-то навык поддерживать, — усмехнулся он.

Я рассмеялся. Не столько от шутки, сколько от облегчения. Если он шутит в таком ключе — значит, действительно не узнал. И не запомнил.

Чудо. Других объяснений у меня нет.

— Садись, Кирилл. Картошка готова, — Лена засуетилась у плиты, явно стараясь скрыть, как у неё всё ещё дрожат руки.

Кирилл скинул рюкзак и расположился за столом напротив меня. Снежок с соседнего стула посмотрел на него с явным неодобрением.

— О, у вас и кот, — улыбнулся Кирилл. — Когда успели?

— Вчера завели, — ответил я. — Лена с улицы притащила.

— Узнаю сестру. Она у нас всегда такая была. В детстве трёх щенков домой пыталась притащить, мама с ума сходила. Несла всю живность, которую только могла найти на помойках.

— Вообще-то двух, не преувеличивай, — уточнила Лена. — И один из них оказался очень даже породистым.

— Ну да, ну да. Кому верить, как не тебе.

Лена поставила на стол сковородку и три тарелки. Я разлил по кружкам чай. На пару минут разговор затих, так как все накинудились на еду.

— Ну а ты сам чем занимаешься? — спросил я между делом. — Лена говорила, что ты в сфере IT работаешь, но без подробностей.

— Долго рассказывать, — ответил Кирилл с набитым ртом. — Питон, всякие там фреймворки, базы данных... Сейчас в одной саратовской конторе работаю на удалёнке. Делаем платформу для логистических компаний. Скукота страшная, зато платят прилично.

— Удалёнка — это удобно, — подметил я.

— Очень. Я вообще-то поэтому к Ленке и собрался. Мне без разницы, откуда работать, из Саратова или Тиховолжска. Главное, чтоб интернет был. Я вообще планирую здесь на недельку

задержаться. Но вас стеснять не хочу. Уже нашёл съёмную квартиру. Если вы не против, только сегодня на ночь у вас задержусь. Можно?

Лена с тревогой посмотрела на меня.

— Конечно, какие проблемы? — пожал плечами я. — Места хватит.

— Вот и отлично, — Кирилл подцепил картошку вилкой. — А ты сам, я слышал, психиатр? В местной поликлинике?

— Да, психиатр и психотерапевт. Совмещаю обе специальности.

— Уважаемо! — закивал Кирилл. — Это ж работа какая — с больными людьми каждый день. Я бы уже давно свихнулся.

— Врачи быстро привыкают к таким нагрузкам, — ответил я. — Это как с любой работой. Сначала сложно, потом становится рутинной.

Мы ещё долго беседовали о работе и жизни в целом, но вскоре всех троих сморил сон. Первым вырубился Кирилл, устал после дороги. Мы постелили ему в гостиной, затем помыли посуду и сами ушли спать.

Первое впечатление о брате Лены оказалось приятное. И самое главное — я был несказанно рад тому факту, что он не запомнил лицо моего предшественника. Минус одна серьёзная проблема.

Мы с Леной немного поболтали перед сном, она тоже, наконец, успокоилась. А после — уснули.

Однако...

/Внимание! Зафиксировано наблюдение постороннего объекта/

Сообщение системы разбудило меня посреди ночи. Краем глаза я заметил, что на часах уже три часа. В комнате кромешная темнота.

Вряд ли система сбоят. С ней обычно такое не происходит. Видимо, за мной и в самом деле кто-то...

Я медленно повернулся на другой бок и увидел рядом стоящего человека.

...следит.

Около нашей кровати стоял Кирилл. Он смотрел на меня сверху вниз, не моргая. Проклятье! Как долго, интересно, он тут уже стоит и смотрит на меня?

/Информация обновлена. Фиксируется внутренняя агрессия.../

Глава 4

Ну и как это понимать?

Ситуация будто прямоком из фильма ужасов про маньяков. Я прищурил глаза, решил притвориться спящим. Надеялся, что Кирилл попросту не заметит моего пробуждения. В комнате темно, но ночь сегодня лунная. Свет всё равно попадает через окно.

Я аккуратно приоткрыл один глаз. Зараза! Ну что за бред...

Всё ещё стоит. Смотрит на меня и даже не моргает при этом. Так ещё плюс ко всему система только что сообщила, что в поведении Кирилла замечены нотки агрессии. Неужели всё-таки вспомнил что-то?

Мысленно я уже прокрутил десятки возможных сценариев. Может, он всё-таки узнал меня, но виду не подал? Дождался, пока все уснут, и теперь пришёл, чтобы... Чтобы что? Придушить меня во сне? Да нет, бред какой-то!

Нужно сохранять спокойствие и собрать информацию.

/Запрос: анализ объекта.../

И тишина. Какого же чёрта? Почему система перестала отвечать?

/Запрос повторно: эмоциональный фон, намерения... Идёт анализ.../

/Система в режиме восстановления. Ожидайте.../

Только этого мне сейчас не хватало! Нашла время для перезагрузки.

Я мысленно выругался. Видимо, после такого насыщенного дня даже моему нейроинтерфейсу понадобилась передышка. Что ж, придётся действовать по старинке, вслепую.

Лена спала крепко. Благо своего брата она пока что не заметила. Будить её нельзя ни в коем случае. Если проснётся — очевидно, испугается. Зачем оно мне надо? Лучше действовать тихо.

Я всё же открыл глаза и неспешно сел в постели. Кирилл никак на это не отреагировал. Продолжал всё так же смотреть на то место, где секунду назад лежала моя голова.

Странно. Будь у него агрессивные намерения, он бы сразу же что-то предпринял. Должна же быть какая-то реакция на мои движения? Любой нормальный человек с агрессией в голове следил бы за мной. А этот... стоит как вкопанный!

Я аккуратно опустил ноги на пол. Кирилл сделал шаг назад. Потом ещё один. И продолжил смотреть всё в ту же точку — на подушку, на которой я только что лежал.

И вот тут до меня начало доходить.

Я поднялся с кровати в полный рост. Кирилл снова отступил — ровно настолько, чтобы сохранить дистанцию. Лицо у него было абсолютно бесстрастное. Глаза смотрели в одну точку, но не на меня и даже не сквозь меня. Они вообще не фокусировались.

Я тихо выдохнул и поманил его пальцем в сторону двери. Кирилл, как ни странно, послушно сделал шаг в указанном направлении. Не глядя на меня. Просто пошёл, потому что я указал.

М-да... Вот это поворот.

Мы вышли из спальни. Я аккуратно прикрыл за собой дверь, чтобы не разбудить Лену, и в коридоре наконец-то включил свет. Кирилл прищурился, поморщился, но его глаза так и не сфокусировались на источнике света. Ну точно, как я и предполагал!

Лунатизм. Или, если по-научному — сомнамбулизм.

/Система перезагружена. Возобновляю мониторинг/

Вот спасибо! Мне уже и не надо. Похоже, сам со всем разберусь.

— Лёш, ты чего? — донеслось из спальни.

Нехорошо. Видимо, всё-таки проснулась.

— Спи, Лен. Мне по работе нужно на сообщение ответить, — ответил я. — Скоро вернусь.

— А Кирилл с тобой? — уточнила она.

Проклятье! Видимо, всё-таки заметила его силуэт.

— Да, за тем же пришёл. Спи, всё в порядке! — бросил я.

Послышался сонный вздох, и через несколько секунд снова раздалось ровное дыхание. Повезло, что Лена настолько устала, что даже не задумалась о том, что при нормальных обстоятельствах в три часа ночи люди на кухне просто так не разговаривают.

Я аккуратно подтолкнул Кирилла в сторону гостиной. Он послушно прошёл туда и встал посреди комнаты, продолжая смотреть куда-то в стену.

Значит, лунатизм? Знакомое состояние. Не всегда, правда, с ним работают психиатры. Это больше к сомнологам. Но всё-таки я и в этом деле разбираюсь.

Это классическое нарушение сна. Чаще всего возникает именно в фазе глубокого медленного сна, когда организм человека полностью расслаблен. А точнее — должен быть расслаблен. Пациент в этом состоянии может вставать с постели, ходить по дому, открывать двери, иногда даже выходить на улицу. Может разговаривать — правда, чаще всего бессвязно. И самое главное — ничего из происходящего потом не помнит.

Среди людей бытует множество мифов о сомнамбулизме. Самый известный — что лунатиков нельзя будить, иначе они умрут от испуга. Это полная чушь. Будить можно и нужно, особенно если человек в опасной ситуации — например, рядом с открытым окном. Резкое пробуждение, конечно, может вызвать дезориентацию и испуг, но не более того.

Куда опаснее — не будить. Лунатики в этом состоянии могут травмироваться, упасть с лестницы, выйти на проезжую часть.

История знает случаи, когда сомнамбулы совершали в этом состоянии очень жуткие вещи. Один австралиец во сне проехал двадцать километров на машине, дошёл до дома своих родственников и убил тещу. На суде его в итоге оправдали — было доказано, что в момент преступления он находился в состоянии глубокого сомнамбулизма и не осознавал своих действий.

Так что да — будить нужно! Только аккуратно.

Я подошёл к Кириллу сбоку, чтобы не оказаться у него на линии «взгляда». На всякий случай. Парень крупный, и если он от неожиданности дёрнется — мало мне не покажется. Приду опять на работу с синяком, и Полина тут же расторгнет наш с ней хрупкий договор.

— Кирилл, — тихо позвал я.

Никакой реакции.

— Кирилл, проснись.

Он чуть качнулся. Я положил руку ему на плечо. Давить не стал, просто дал сигнал его организму, что рядом кто-то есть. Сейчас его мозг должен получить и проанализировать эту информацию.

— Кирилл, ты спишь. Но тебе нужно проснуться, — настоял я.

Наконец, парень моргнул. С трудом пришёл в себя и попытался сфокусироваться на окружающем мире. Пошатнулся, чуть не потерял равновесие, но я вовремя его подхватил.

— А? — оторопел он. — Лёха? А чего тут...

Он огляделся. Лицо постепенно теряло то пугающее выражение. Появилось замешательство. А затем — явный испуг. Всё-таки не удалось избежать стресса при пробуждении.

— Я... где я?! Это же спальня? Как я тут оказался? — запаниковал он.

— Тихо, — я похлопал его по плечу. — Всё в порядке. Ты просто лунатил.

— Чего я делал? — не понял он.

— Сомнамбулизм. Ты во сне встал и пришёл в нашу с Леной спальню. Стоял над кроватью. Не знаю, сколько времени, но я проснулся, привёл тебя сюда и разбудил.

Кирилл побледнел.

— Подожди... Я... я стоял над вами? В смысле, прямо рядом с кроватью?

— Да. Но ничего страшного. Всё в порядке. Лена тебя не заметила. А я отделался лёгким испугом, — с самоиронией усмехнулся я.

Он опустился в кресло, провёл ладонями по лицу.

— Чёрт... Ну что ж такое! Прости, Лёх. Я ж не специально. Это у меня уже не первый раз происходит, — вздохнул он.

— Я так и понял. И часто такое бывает?

— Раз в два-три месяца, — он помотал головой, будто пытался стряхнуть с себя остатки сна. — Иногда чаще, если нервничаю или сплю нерегулярно. У меня ведь была девушка одно время, мы вместе жили. Она пару раз меня заставляла на кухне ночью. Я там вроде как готовил что-то, прикинь? Ну, фарш из холодильника достал, на сковородку выложил. Благо плиту так и не включил. А то бы ещё пожар устроил! А утром — пустота, вообще ничего не помню.

— Классическая картина. Так это обычно и происходит. К врачу обращаться пробовал?

— Один раз. Но толку-то? — пожал плечами он. — Прописали валерьянку и какие-то лёгкие успокоительные. Ничего не изменилось, только спать постоянно хотелось, и мозги работать перестали. В итоге я бросил.

Хм... Тут он прав. С одной стороны, конечно, фармакология при сомнамбулизме помогает очень редко. С другой — на самотёк пускать эту патологию тоже нельзя. Всё-таки она не такая безвредная, какой может показаться на первый взгляд. Как правильно подметил Кирилл, тот же газ на кухне можно случайно выпустить.

— Кирилл, слушай. Сомнамбулизм — это ведь не болезнь сама по себе. Правильнее сказать, что это — симптом. В основном так организм на стресс реагирует или на грубые нарушения режима сна. Ты, я так понимаю, полный комплект собрал, да?

— Ага, «флеш-рояль»! — усмехнулся он. — Вот, кстати, и минусы удалёнки. Графика постоянного нет. Сплю когда хочу. Сроки, дедлайны, нервы... В общем, сам понимаешь. Самое то для здоровья!

— Вот именно. Тебе нужно работать не с симптомом, а с причиной. Режим сна придётся нормализовать. Более того, за час до сна лучше убрать от себя все экраны. И компьютер и телефон. Они мешают выработке мелатонина. А это самый главный гормон в нашем, так сказать, царстве сна. Ты уж извини, что я с тобой, как с пациентом говорю, но всё-таки запомни. Может пригодиться. Да, чуть не забыл — кофе во второй половине дня нельзя. Даже не прикасайся к нему. И первое время обязательно нужно ввести какие-нибудь расслабляющие ритуалы перед сном. Например, тёплый душ, чтение. Да что угодно, что помогает мозгу понять — пора отключаться.

— А если опять начну лунатить? — уточнил он. — Наверняка ведь не сразу поможет.

— Верно подметил. Для лунатика важнее всего — меры безопасности. Всегда закрывай дверь на ключ изнутри. Окна — тоже. Если кто-то живёт рядом — пусть знает о твоей особенности и проверяет вечером, всё ли заперто. И ещё — не злоупотребляй алкоголем перед сном. По-хорошему его вообще употреблять не надо, но в твоём случае особенно важно убирать его в вечернее время. Он, вопреки распространённому мнению, не помогает уснуть, а наоборот, провоцирует подобные нарушения сна.

Кирилл слушал молча, кивал, разве что не записывал. Видимо, мой рассказ ему понравился. Он в нём нуждался, но его всё это время пичкали таблетками. А толку от них в данном случае совсем уж мало.

— А разбудить меня было правильно? — уточнил он.

— Абсолютно. Все эти мифы про «лунатиков нельзя будить» — ерунда. Будить можно, главное — аккуратно. Не пугать резким криком или ярким светом в лицо.

— По-о-нял... — протянул он. — Спасибо тебе. И прости, что так получилось. Не хотел я оставить о себе такое неприятное впечатление.

Ох, знал бы он, какое я впечатление пытаюсь создать, чтобы скрыть поступки прошлого владельца тела!

— Расслабься! Ерунда, — улыбнулся я. — Уж я-то людей по их недугам не сужу. Профессия не позволяет. А теперь — давай спать. Иди в гостиную. Если снова встанешь — я услышу.

Кирилл устало улыбнулся и поднялся.

— Спасибо тебе ещё раз. Я рад, что у Ленки наконец-то нормальный человек появился, — заявил он и пошёл в сторону дивана. Через пару минут из гостиной уже доносилось его ровное сонное дыхание.

Я постоял в коридоре, на всякий случай прислушался. Мало ли? Может, опять встанет. Но кроме тишины ничего не услышал. Только Снежок где-то в темноте недовольно мяукнул — видимо, ему тоже не понравились наши ночные похождения.

Я погладил кота, а затем и сам отправился спать.

/Принудительный выход из фазы быстрого сна. Причина: внешний аудиораздражитель/
Телефон звонит... Проклятье, да что ж такое? Сегодня ночь какая-то проклятая! Кто может звонить в такую рань?

Я с трудом разлепил глаза и нащупал свой телефон на прикроватном столике. На экране высветилось до боли знакомое имя — «Капитанов С. А.». А на часах тем временем половина шестого утра.

Та-а-ак. Хорошее начало дня, ничего не скажешь. Надеюсь, хотя бы Капитанов лунатизмом не страдает! Хотя таким макаром я сам скоро какое-нибудь расстройство сна подхвачу.

Я аккуратно выскользнул из-под одеяла, чтобы не разбудить Лену, и вышел в коридор. По пути заглянул в гостиную — Кирилл мирно сопел на диване, отвернувшись к стене. После ночных приключений отрубился, видимо, как убитый.

— Слушаю, Степан Аркадьевич, — я ответил на звонок.

— Алексей Сергеевич! — голос Капитанова дрожал так, что я даже не сразу его узнал. — Простите, что в такую рань! Но... У нас тут, мягко говоря, намечается катастрофа!

/Эмоциональный фон по голосу: красный. Высшая степень тревоги. Смесь паники и страха/

О, давно же система не проводила анализ голоса прямо по телефону. Хотя в данном случае и без неё всё ясно. Капитанов уже на грани истерики.

— Степан Аркадьевич, успокойтесь, — попросил я. — Возможно, вы ещё не догадались, но я едва успел продрать глаза. Что случилось-то? Объясните.

— Они приезжают сегодня. Уже сегодня, Алексей Сергеевич! — тараторил он. — Должны были через три дня. Но мне сейчас позвонили из Саратова. Знакомый в министерстве работает... В общем, они изменили план. Причём без предупреждения. Проверяющие будут здесь уже к началу рабочего дня! У нас всего лишь два часа — не больше.

Пошло всё лечение коту под хвост. Я только-только настроил Капитанова на нужный лад. Но он всё-таки словил паническую атаку из-за новых обстоятельств.

— Так, я вас понял. А кто конкретно едет? Что они будут проверять?

— Так там полный состав! Проверять будут ВСЁ. И ещё... — он запнулся. — Тут ещё кое-что всплыло. Я вам по телефону рассказывать не буду. Это надо своими глазами увидеть. Алексей Сергеевич, я вас умоляю, приезжайте срочно! Без вас я не разберусь! Больше никто не откликается.

Эх... После двух часов сна и ночных разговоров с лунатиком меньше всего хотелось куда-то лететь сломя голову. Но судя по голосу Капитанова, ситуация действительно серьёзная. Я бы решил, что он просто драматизирует, но не в этот раз. Я хорошо поработал над его психикой. Раз он сорвался, значит что-то и в самом деле случилось.

— Через полчаса буду в вашем кабинете. Ждите!

— Спасибо! Спасибо, Алексей Сергеевич!

Я повесил трубку и начал экстренные сборы.

Через двадцать минут я уже шёл по пустым улицам Тиховолжска. Город ещё не проснулся, вокруг пустынно — ни единой души.

Я перебирал в уме то, о чём пока что решил умолчать Капитанов. Что там могло всплыть? Вряд ли это жалобы или какие-то врачебные ошибки. Тут что-то другое...

В любом случае гадать бессмысленно. Скоро всё узнаю.

Эмоциональный фон оператора нейроинтерфейса: повышенная тревожность. Недосыпание. Рекомендуется восстановить режим сна и бодрствования!

Ох ты ж! Давно же она обо мне не заботилась. Видимо, высокий уровень совместимости решил дать о себе знать. Теперь система уделяет время не только людям, но и мне.

Когда я добрался до поликлиники, Капитанов уже был в кабинете. Весь всклокоченный, будто только что с кем-то подрался.

— Алексей Сергеевич, наконец-то! — он выскочил мне навстречу, споткнулся и чуть не перевернул письменный стол. — Садитесь, садитесь! Кофе? Чай? Хотя нет! Нет у нас на это времени. Что я вообще несу...

— Степан Аркадьевич, тихо, — я щёлкнул пальцами и активировал гипнотический режим нейроинтерфейса. Сейчас нужно привести его в порядок экстренными методами. — Помните, что мы с вами обсуждали в прошлый раз? Глубокое дыхание — начните с него.

— Какое дыхание, Алексей Сергеевич?! У нас тут такое творится! — Капитанов вскрикнул, но всё же мой гипноз на него подействовал. Уровень его стресса начал стремительно падать.

— Если вы в таком состоянии встретите проверку, ничего хорошего из этого точно не выйдет. Они вас живьём съедят. Делайте, как я говорю. Сядьте и подышите, хотя бы тридцать секунд. А потом уже перейдём к нашим проблемам.

Он, как ни странно, послушался. Опустился в кресло, закрыл глаза и начал дышать по схеме, которую я ему расписал на прошлой неделе. К концу третьего цикла краснота с его лица сошла, а дрожь в руках начала униматься.

Эмоциональный фон объекта: оранжевый. Снижение паники. Тревога — умеренная!

Ну хоть что-то. Теперь можно и поговорить нормально.

— Слушаю вас. В чём проблема? — спросил я.

Очевидно, что проверка может найти что-то, чего им видеть не стоит. Вопрос только в том — что?

— Я уже часть людей поднял. Терапевты, регистратура, медсёстры, узкие специалисты — все начали проверять карты. Всё ли в порядке. Но... Вот тут и началось самое страшное, — он напряжённо сглотнул.

— Что именно?

— Ошибки. Множественные ошибки в медицинских картах! Причём не только у терапевтов, но и у моих узких специалистов. В том числе и у вас, Алексей Сергеевич, — заявил он. — И у вас, как ни странно, их больше всего. Куда ж вы смотрели?! — он схватился за голову.

— Погодите. У меня? — я нахмурился. — Этого не может быть. Я слежу за медицинской документацией так же тщательно, как за здоровьем своих пациентов. Это попросту невозможно.

— Я и сам своим глазам не поверил! Поэтому хотел, чтобы вы лично всё проверили, — пожал плечами он. — Ладно, чего время зря тратить? Пойдёмте к компьютеру. Сейчас сами всё увидите.

Мы перешли к рабочему столу. Капитанов открыл электронную систему ведения карт и ввёл свой логин администратора. На экране появился список моих пациентов за последний месяц.

— Вот, смотрите. Откройте любую карту. Любую!

Я ткнул в первую попавшуюся фамилию — Сидорова Тамара Петровна, шестьдесят два года, пациентка с тревожным расстройством, которую я вёл уже две недели.

Как только карта открылась, я сразу понял, что Капитанов не лгал. В глаза сразу же бросились десятки ошибок.

В разделе «анамнез» вместо моего обычного подробного описания — обрывочные фразы, противоречащие друг другу. В диагнозе — вместо F41.1 (генерализованное тревожное расстройство) стояло F20.0 (параноидная шизофрения). В рекомендациях — дозировка препарата, превышающая максимально допустимую в три раза.

— Это ещё что за бред? — прошептал я.

Я открыл следующую карту. Аболгин Виктор Иванович, мой пациент с депрессивным эпизодом. И тут та же картина. Диагноз искажён, назначения абсурдные, в анамнезе — путаница в датах и фактах. Местами даже имена и возраст перепутаны. Чёрт знает что!

И в остальных картах то же самое.

Везде ошибки. Грубые, очевидные. Любая комиссия, открыв эти документы, мгновенно поставит вопрос о моей профессиональной пригодности. Это даже не халатность. Больше похоже на преднамеренное вредительство.

Хм... А вполне может быть, что это оно и есть. Не могла же информационная медицинская система сломаться настолько, что во всех картах тут же перепуталась информация. Такого не бывает.

— Степан Аркадьевич, это написано не мной, — помотав головой, твёрдо сказал я.

— Алексей Сергеевич, я понимаю, что вы тоже расстроены, но...

— Вы меня не слышали. Повторяю ещё раз. Я это не писал!

Капитанов замер. Кажется, он тоже начал понимать, что происходит.

— Вы хотите сказать... Кто-то специально изменил карты? — прошептал он.

— Именно. Вы посмотрите, какой тут бред написан. Вдумайтесь. Даже если бы у меня у самого диагностировали шизофрению, я бы и то меньше ошибок допустил.

— Сути это не меняет, — замотал головой Капитанов. — Даже если мы возьмёмся вручную исправлять все карты с ошибками... Да на это суток не хватит! А у нас осталось всего лишь полтора часа. Всё, Алексей Сергеевич. На этот раз мы точно проиграли. Вас и остальных врачей, может быть, просто оштрафуют. А вот меня точно уволят. В этом не может быть никаких сомнений.

И тут меня осенило.

— Не спешите... Кажется, я знаю, что делать. Да! Мы выйдем сухими из воды!

Но кое-кому всё равно придётся пострадать.

Глава 5

Капитанов уставился на меня с такой надеждой в глазах, что у него аж ноги начали подкашиваться. Видимо, всё-таки поверил, что я смогу придумать план.

А если быть точным — я уже его придумал.

— Так озвучьте же, Алексей Сергеевич! В чём идея? И кому именно придётся пострадать? — осторожно спросил он.

— Пострадает тот, кто это сделал. Но давайте-ка обо всём по порядку, Степан Аркадьевич. Слушайте меня внимательно и постарайтесь не перебивать, времени мало.

Я присел напротив заведующего. У Капитанова, казалось, даже уши оттопырились. Вот уж действительно — внимательно слушает!

Да и заметно, что сам он начал успокаиваться. Всё-таки не зря на нём гипноз использовал.

— Итак. Ключевой момент — что они будут проверять? — начал рассуждать я.

— Качество заполнения карт, все нормативные анализы, обследования, правильность и обоснованность назначения лекарственных препаратов... — перечислял он. — Ну, одним словом — карты!

— Стоп. Вот именно! Какие карты?

Капитанов явно не понимал, к чему я клоню.

— Ну... любые. Какие выберут, такие и проверят. Вы о чём вообще, Астахов?

— Правильный ответ, Степан Аркадьевич — бумажные карты. Министерство хоть и пытается перевести нас на электронный документооборот, но бумага в данном случае имеет больший вес. Там есть подпись, печать — с ними уже не поспоришь. Электронная карта формально — это копия, которую при разбирательстве всё равно потребуют распечатать и заверить. Любой суд, любая комиссия — поднимают бумажную карту. Верно ведь я говорю?

— Ну... Вообще-то да! — начал понимать Капитанов.

— А бумажные карты у нас должны быть в порядке, — заключил я. — Не зря же мы мучаемся и делаем двойную работу. Вносим данные и на компьютер и на бумагу. Итак, значит, поступим следующим образом. Прямо сейчас, не теряя ни минуты, вы отдаёте команду медсёстрам — терапия, узкие специалисты — всем. Пусть вытаскивают все карты по диспансеризации за прошлый квартал и раскладывают по кабинетам. Остальные, если запросят, достанете потом. По крайней мере, насчёт своих карт могу вас уверить — там всё в порядке. Документация должна быть заполнена идеально.

— А электронные? — нахмурился Капитанов. — Они же первым делом всё равно потребуют доступ к системе.

— Не потребуют. Точнее... Может, и потребуют, но мы объясним, что сейчас идут технические работы. Зато бумажные карты — пожалуйста! Всё предоставим в полном объёме, как положено по приказу о медицинской документации. С печатями, с подписями. Они сядут, попьют чай, поковыряют десяток карт, найдут пару опечаток, напишут замечание — и уедут. Это же обычный сценарий.

Эмоциональный фон Капитанова: оранжевый. Фиксируется сдвиг к зелёному. Уровень тревоги снижается. Готовность к действию: высокая!

Он с облегчением выдохнул.

— Допустим, не полезут. А если полезут? — паранойя никак не могла оставить Капитанова в покое.

— Правильный вопрос, Степан Аркадьевич. А это уже — второй пункт плана. Если полезут, я к тому моменту точно буду знать, кто залез в карты ночью.

— Вы... что? — оторопел Капитанов. — Откуда?

— Проведу собственное расследование. Сами посмотрите на все изменённые карты ещё раз. Их редактировали в районе одиннадцати вечера — вы ведь сами мне это показали. Я в это время был дома, спал. Алиби имеется, — я мысленно усмехнулся. Ведь ночь у меня вышла не менее весёлая, чем утро. — У вас, думаю, тоже алиби есть?

— Я в полдвенадцатого был в «Зерне», — он торопливо закивал. — С Михайловским сидели, кофе пили. Чек остался, камеры есть. На меня вину точно никто не спихнёт!

— Превосходно. Нас двоих сразу вычёркиваем. Дальше — дело техники. Я сейчас пойду к айтишникам. Посмотрим, под чьей учётной записью были внесены изменения. И когда мы это узнаем — сразу же посетим злоумышленника. Если проверяющие всё-таки залезут в электронку и найдут расхождения, мы им сразу же сдадим этого засранца. И это уже расценят не как халатность нашего учреждения, а как вмешательство третьего лица. Никого не обвинят, кроме одного-единственного человека.

Капитанов медленно покачал головой.

— Алексей Сергеевич... вы где этому научились?

— Там же, где и вы. В медицинском, — усмехнулся я. — Вы просто от нервов всё забыли. Вели бы себя спокойно, пришли бы к такому же выводу, как и я.

— Ладно-ладно. Что от меня нужно? — сосредоточился Капитанов.

— Первое. Поднимаете медсестёр, ставите задачу по бумажным картам. Каракатицу... Тьфу! — я осёкся, неудачно и не вовремя оговорился. — Короткову в детали посвящать не надо, скажете плановая сверка перед проверкой. Второе — нужно, чтобы меня сегодня хотя бы частично сняли с приёма. Тех, кто записан заранее, я приму. Думаю, смогу быстро управиться. Живую очередь отменяем. Пусть в другой день приходят. Только экстренных, если вдруг кто с психозом поступит. Между приёмами мне нужно свободное окно. И наконец, третье... Самое важное. Никому, ни единой душе не говорите о том, что мы узнали о редактировании карт. Если виновник поймёт, что мы пытаемся выйти на его след — сразу же заметёт следы.

Возможно, я смогу вычислить его с помощью системы... Но для начала всё-таки стоит пообщаться с айтишниками. Сузим круг поиска.

— Всё! Приступаем, Алексей Сергеевич! — воскликнул Капитанов.

— И, Степан Аркадьевич... — задержал его я.

— Да?

— Коньяк уберите подальше. Пожалуйста. Если проверяющие зайдут — это будет первое, что они увидят.

Он покосился на шкаф, за которым стояла бутылка. Видимо, подарок от пациента. Переволновался заведующий, забыл спрятать самый очевидный компромат на самого себя.

— Уберу сейчас же. В сейф!

— В сейф — отличная идея, — усмехнулся я, а затем вышел из его кабинета.

В поликлинике уже стало людно. Непривычно много сотрудников для семи утра. Видимо, Капитанов на уши поднял уже всех остальных специалистов. Ничего, пусть готовятся. Что-то я сам загорелся идеей — выиграть эту «битву». Проверка должна пройти блестяще. Как минимум ради того, чтобы утереть нос тому идиоту, который задумал устроить саботаж!

Я свернул к лестнице и поднялся на четвёртый этаж, к айтишникам.

Кабинет ИТ-отдела поликлиники Тиховолжска располагался там, куда обычно ссылают всё, что начальству непонятно и неинтересно. Дальний угол, за поворотом, рядом с архивом и кладовкой завхоза. На двери — ни таблички, ни номера. Только лист А4, приклеенный криво скотчем:

«СТУЧИТЕ ГРОМЧЕ. МЫ В НАУШНИКАХ»

Ниже от руки приписано: **«ЕСЛИ НЕ ОТКРЫВАЕМ — МЫ В СТОЛОВОЙ»**

Что ж, по крайней мере ребята с чувством юмора.

Я постучал, да так, что кулак заболел.

За дверью что-то зашуршало, скрипнуло кресло, послышались неторопливые шаги. И наконец, замок щёлкнул.

Дверь открыл парень лет двадцати пяти. Растянутая чёрная футболка с принтом какой-то компьютерной игры. На носу — очки с такими толстыми стёклами, что мои на их фоне казались модным аксессуаром. За его спиной — полумрак, гудение системников, три монитора с открытыми окнами кода и недопитая банка энергетика на столе.

Вот это да! Я будто в другой мир переместился. Такое ощущение, что тут не кабинет, а какой-нибудь компьютерный клуб.

Парень окинул меня взглядом сверху вниз. При этом в выражении его лица не читалось ни капли интереса.

— Чё хотели? — вяло поинтересовался он.

/Объект: мужчина, 24-26 лет. Эмоциональный фон: серый. Признаки хронического недосыта, лёгкое обезвоживание. Уровень кофеина в крови: значительно выше нормы/

— Доброе утро, — поприветствовал его я. — Алексей Сергеевич Астахов, психиатр. Можно к вам на пару минут?

Он смерил меня ещё одним взглядом. На этот раз чуть более внимательным.

— На пару минут — это сколько? — уточнил он. — У нас пара минут — это полчаса.

И как на такое отвечать?

— Пара минут по общепринятому времени, — сухо ответил я. — У нас возникла проблема. Нужна ваша помощь.

Парень хмыкнул и посторонился, пропуская меня внутрь.

— Заходите, доктор. Только дверь прикройте. У нас тут режим полной звукоизоляции, — заявил он.

В кабинете действительно был тот ещё режим! Духота, грязища — теперь понятно, почему их аж на четвёртый этаж засунули, в самый дальний угол.

Я внимательно осмотрел обитель айтишников. За одним из столов спиной ко мне сидел второй сотрудник — пухлый парень в наушниках, полностью поглощённый своей работой.

Система сразу подсказала мне, что с ним мне говорить не стоит. Похоже, он занимается совершенно другим делом. Мне нужен именно тот — первый. Который мне дверь открыл.

— Слушаю, — коротко произнёс он.

— Как я могу к вам обращаться? — уточнил я.

— Денис.

— Денис, у меня к вам вопрос технического характера. Вчера, около одиннадцати часов вечера, в нашей медицинской информационной системе были изменены данные в нескольких десятках карт пациентов. Можно ли определить, с какого компьютера это было сделано и под чьей учётной записью?

Денис посмотрел на меня хмуро. Ему явно не понравился мой вопрос. И я сразу же решил за это зацепиться.

/Объект: Денис. Лёгкое напряжение. Пульс повышен на 12 ударов. Реакция на заданный вопрос — настороженность. Рекомендуются продолжить расспросы/

Ага. Интересно! Кажется, я с ходу попал, куда надо. Расследование начинается.

— Нет, — тут же сказал он. — Определить нельзя.

— Совсем нельзя? Вы уверены? — нахмурился я.

— Совсем. У нас система старая, логирование действий пользователей не настроено, — он будто специально перешёл на «свой» язык, чтобы я не понимал его отговорок. — Если кто зашёл или вышел — никаких следов не остаётся. Только сами изменения видны в самой карте. Так что я тут вряд ли чем-то вам помочь смогу, доктор.

/Уровень стресса объекта: повышается. Микромимика: подавление улыбки. Признаки лжи: высокая вероятность/

Вот ведь зараза... Врёт ведь! И система говорит об этом прямо. Но беда в том, что я в этой сфере совсем не разбираюсь. Я и в прошлой жизни не был силен в технологических вопросах. Так ещё плюс ко всему в будущем совершенно иная аппаратура. У нас почти всё работало через ноосферу и информационное поле.

А значит, поймать его на конкретике я не смогу. Он мне сейчас навешает лапши на уши, и единственное, что я смогу сделать — молча кивнуть и уйти.

Но я знаю, к кому могу обратиться за помощью.

Пора воспользоваться подсказкой «звонок другу». Но перед этим всё же решил попробовать задать ещё один вопрос самостоятельно.

— Что ж, всё ясно, — спокойно сказал я. — А если, скажем, через системного администратора домена проверить? Через журналы операционной системы? Такое не получится вернуть?

Денис чуть приподнял бровь. Видимо, удивился, что я знаю хоть какие-то термины из его сферы.

— Журналы на наших рабочих станциях отключены. Сервер крутится на другой системе, но там тоже информация не сохраняется. Так что увы, доктор. Как уже и сказал, помочь ничем не могу.

/Сильное напряжение. Явно выраженный глотательный рефлекс. Объект готовится к продолжению лжи. Тупиковая ситуация/

— Очень жаль, — я театрально вздохнул. — Послушайте, Денис, позвольте я отлучусь на пару минут? Мне позвонить нужно. Потом вернусь, ещё один вопрос задам — и больше вас не побеспокою.

— Да хоть на час, — фыркнул он.

Я вышел в коридор, прикрыл за собой дверь и достал телефон.

Хорошо, что мы с Кириллом обменялись номерами вчера. Вот он мне и пригодится!

— Алё? — голос Кирилла был сонный, но куда бодрее, чем я ожидал. — Лёх? Ты чего?

— Привет, Кирюх, не разбудил? — спросил я.

— Да я, считай, и не спал толком. После этой ночной фигни сны тревожные начали сниться. Ну, сам понимаешь. Вот уже который час лежу, в потолок смотрю. А ты куда так рано убежал? На работу вызвали?

— Да, слушай, мне тут твоя помощь нужна. Один профессиональный вопрос надо разобрать.

— Валяй!

Я кратко изложил суть. Попытался дословно передать всё, что сказал Денис, и описал, как работает наша медицинская информационная система.

Из телефона послышался громкий смешок.

— Лёх, это что ж за программисты у вас там такие? Даже не знаю, как выразиться цензурно... В общем, врут они тебе. И очень нагло, — заявил Кирилл.

— Собственно, я так и думал. А как их на лжи поймать, подскажешь?

— Так. Записывай или запоминай...

Признаться честно, если бы у меня не было расширения памяти, которую даёт мне система, пришлось бы вручную записывать всё рассказанное Кириллом в блокнот. А потом читать всё это, потому что заучить такое с ходу нереально.

Когда Кирилл закончил, я с облегчением выдохнул и произнёс:

— Кирилл, ты — гений. Здорово выручил. Сейчас опробую в деле. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Лёх, а можно встречный вопрос? У вас там что-то серьёзное случилось?

— Серьёзное. Потом расскажу.

— Да не за что! Я тебе всё ещё за прошлую ночь должен. Не знаю, что бы случилось, если бы ты меня тогда не остановил.

— Забудь. Лечись давай и отсыпайся. Пока!

Я отключился, постоял пару секунд, восстанавливая в голове три ключевых пункта, описанных Кириллом, а затем шагнул обратно в кабинет.

Денис уже сидел в более расслабленной позе — видимо, был уверен, что отделался от меня. Второй айтишник всё так же ничего не замечал.

— Денис, — позвал айтишника я. — Ну, как видите, я всё-таки вернулся! И знаете, я тут поговорил с одним знакомым специалистом... Хочу уточнить у вас несколько моментов.

— Слушаю, — он напрягся. Разглядеть это было трудно, но систему не обманешь!

/Резкий скачок пульса: +18, увеличение потоотделения, расширение зрачков. Объект в состоянии острого стресса/

— Вы сказали, что в вашей МИС не настроено логирование действий пользователей. Я правильно понимаю, что это нарушение приказа Минздрава о требованиях к медицинским информационным системам? — я словно на другом языке заговорил. Но слова из меня лились без запинки. И это Дениса явно испугало. — Потому что логирование — обязательное условие сертификации. Без него учреждение не имеет права эксплуатировать систему.

У Дениса отпала челюсть.

— Ну... формально... Вообще... Да?

Он будто меня спрашивает об этом. Всё, первый удар нанесён. Сейчас я из него быстро вытяну информацию. Но для начала... Ещё пара ударов!

— Дальше. Журнал транзакций базы данных. Он ведь есть? — уточнил я. — Его технически невозможно отключить. Иначе база просто не работает.

— Это... это для других администраторов. Мы такое не смотрим обычно! — начал оправдываться он.

— Ничего, сейчас посмотрите. Ах да, и последнее. При каждой авторизации в системе сохраняется IP-адрес и MAC-адрес рабочей станции. Иначе аутентификация невозможна. Значит, мы можем точно установить, с какого компьютера в учреждении был совершён вход в учётную запись, под которой редактировались карты. Верно?

Всё. Слова Кирилла пересказаны дословно. Денис ещё не признал поражение, но я понимал, что шансов выкрутиться у него нет.

/Эмоциональный фон объекта: красный. Готовность к признанию: высокая. Микромика: губы поджаты, плечи опущены. Полное подавление воли/

— Денис, — вновь заговорил я. — Если вы ещё не поняли, у нас тут очень серьёзная проблема. И лучше вам рассказать, кто это сделал. По крайней мере, пока вас допрашиваю я, а не полиция. Если вы поможете — этот разговор останется между нами.

/Совместимость с объектом: 71%. Гипнотическое воздействие принято. Снижение защитных реакций/

Денис выдохнул, затем снял очки и отложил их на стол.

— Я не сам это придумал, Алексей Сергеевич, — пробормотал он. — Меня попросили.

— Кто?

— Сафонов. Заместитель главного врача. Сказал, что нужно посмотреть пару карт. А у него доступа нет. Дал мне свою флешку, попросил подключить и оставить его в кабинете на двадцать минут. Ну а что я мог сделать? Не спорить же с начальством? Вот я его и оставил. А что он там делал — я не знаю. Только потом, утром, когда уже шум поднялся, я в логи заглянул и понял, что он... Натворил делов, в общем.

Сафонов? Да быть того не может. Зачем заместителю главного врача гробить клинику? Чуть какая-то...

— Из какого кабинета он работал? — спросил я.

— Из нашего. Я ему свой комп оставил. Под своей учёткой администратора.

Вот оно что. Поэтому в логах будет учётка Дениса, а не Сафонова. Хитро. Очень хитро. Получается, айтишника подставить пытались. Вот он и защищался так отчаянно.

— Денис, слушайте меня внимательно. Сейчас вы остаётесь здесь. Никуда не выходите. Никому ни слова — ни Сафонову, ни Капитанову, ни своему коллеге, — я кивнул в сторону пухлого парня, который так до сих пор и не заметил, что я вообще зашёл в этот кабинет. — Если кто-то позвонит и начнёт задавать вопросы, отвечайте, что всё в порядке, работаете в штатном режиме. Поняли?

— Понял, — уверенно кивнул он.

Гипнотическая установка закреплена. Объект выполнит указание!

— И ещё. Сохраните мне все доказательства изменения карт в отдельный файл, — попросил я. — Возможно, это пригодится в будущем.

— Сделаю, Алексей Сергеевич. Обещаю!

Я вышел из кабинета и направился к себе. В голове всё перепуталось. Никак не клеилась полученная информация с реалиями нашей клиники.

Сафонов Евгений Михайлович.

Заместитель главного врача. Справедливый, амбициозный мужчина. Излишне эксцентричный, но хороший руководитель. Конфликты он всегда избегает. Почему он это сделал?

Когда я вошёл в свой кабинет, Полина уже была на месте. Сидела за столом, разбирала документы к проверке. Она подняла на меня взгляд и сразу же отложила бумаги в сторону.

— Алексей Сергеевич, на вас лица нет. Что случилось?

Сразу же подметила! Сейчас опять начнёт меня подозревать во всех бедах человеческих.

Стоп... Точно! Как же всё идеально складывается. Ясное дело, что Сафонова в одиночку мне не прищучить. До правды я не доберусь. С айтишниками мне уже помог Кирилл.

Но у меня есть ещё более могущественный союзник. Прямо передо мной сидит не просто медсестра, а сотрудник спецслужбы! Уж кто-кто, а Полина точно может дать пару советов.

— Полина, закройте дверь на ключ. Я вам сейчас всё расскажу, но никому, кроме нас двоих, об этом знать не нужно.

Затем я кратко изложил ей всё, что мне удалось узнать. Полина слушала, не перебивая. Когда я закончил, она пару секунд молчала и лишь потом произнесла:

— Алексей Сергеевич, у меня вопрос. Сафонов давно работает в поликлинике?

— Несколько лет, насколько я знаю.

— Хм... Никогда не пытался подсидеть главного врача? Может, ему нужна более высокая должность? — поинтересовалась она.

— А мне почём знать? Вообще... вряд ли. Зачем ему этот геморрой? Нет, Полина, интуиция мне подсказывает, что если и метит он куда-то, то уж точно не на место главного врача.

— А куда он, по-вашему, метит?

Я задумался. И тут до меня начало доходить.

— Он ведь раньше работал в министерстве. Неизвестно, почему его перевели оттуда в нашу глушь, но... Возможно, он хочет вернуться в Саратов. Кстати, в прошлом месяце ходили слухи, что в областной больнице освобождается место заместителя главного по лечебной работе. Это уже совсем другой уровень. Там совершенно иная зарплата. Туда так просто не попадают — нужны связи, рекомендации, опыт.

— Или, — Полина чуть прищурилась, — повод покинуть текущее место с правильной формулировкой.

— То есть?

— Алексей Сергеевич, подумайте сами. Сафонов — заместитель главного врача поликлиники, в которой только что прошла катастрофическая проверка. Все карты в электронном

виде испорчены, главный врач, скорее всего, вылетит со скандалом. Его репутация однозначно пострадает. А Сафонов в этой ситуации...

— Абсолютно чист, — закончил за девушку я. — Он же заместитель. Ответственность за это нести не будет. Более того, если всё правильно обыграть, его ещё и пострадавшей стороной могут счесть.

— Именно. И скорее всего, он заранее подготовил несколько служебных записок на имя главного врача, Капитанова и других руководителей с предупреждениями о состоянии медицинской документации, — предположила Полина. — Сафонов выйдет из ситуации не просто чистым. Он выйдет героем, который пытался предотвратить катастрофу, но его никто не послушал. С такой репутацией он спокойно переведётся в Саратов на более высокую должность. А всех остальных тут посокращают.

— Да... Гениальная подлость — иначе и не скажешь, — хмыкнул я.

— Не сказала бы, что это гениально, — покачала головой Полина. — Это стандартная схема ухода с повышением через дискредитацию текущего руководства. Я такое в своё время видела не раз, — Полина едва заметно усмехнулась. — Просто в других ведомствах.

— У меня уже есть план действий, — сообщил я. — Мы сейчас рискуем серьёзно ошибиться. Нельзя идти к Капитанову или главному врачу и сдавать Сафопова раньше времени.

— И почему же? — Полина прищурила глаза. Она знала ответ на свой вопрос. Просто решила понаблюдать за тем, как я рассуждаю.

— У нас на руках только показания одного айтишника, который сам же ему и помогал. Сафонов сможет отболтаться. Скажет, что его подставили — и всё на этом. Мы проиграем.

— Верно, Алексей Сергеевич. Очень хорошо, — улыбнулась девушка.

— Нужно, чтобы Сафонов сам признался. Лично. И желательно так, чтобы это можно было зафиксировать через...

— Запись разговора, — закончила за меня Полина.

— Да, либо через запись, либо через свидетеля, который подслушает под дверь. Второй вариант нравится мне меньше. Но идти нужно прямо сейчас. Пока он расслаблен и уверен, что его план сработал.

Я задумался.

Войти к нему нужно как к коллеге. Не бросаться сразу с обвинениями. Сделать вид, будто я пришёл по другому вопросу.

Но, как ни крути, это очень опасный трюк. И в первую очередь — для меня.

Мы потратили ещё минут двадцать на подготовку плана. Я составил костяк, а Полина добавила детали. Советчица из неё вышла отличная.

— М-да... — протянул я, перебарывая всё, что сказала медсестра. — Полина, вы — страшный человек.

— Я знаю, — улыбнулась она. — Идите, Алексей Сергеевич. Проверка уже началась. Буду держать за вас кулаки.

Я заранее включил диктофон и направился к кабинету Сафопова. Около дверей я остановился. Моя рука задержалась, не стал стучать сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.